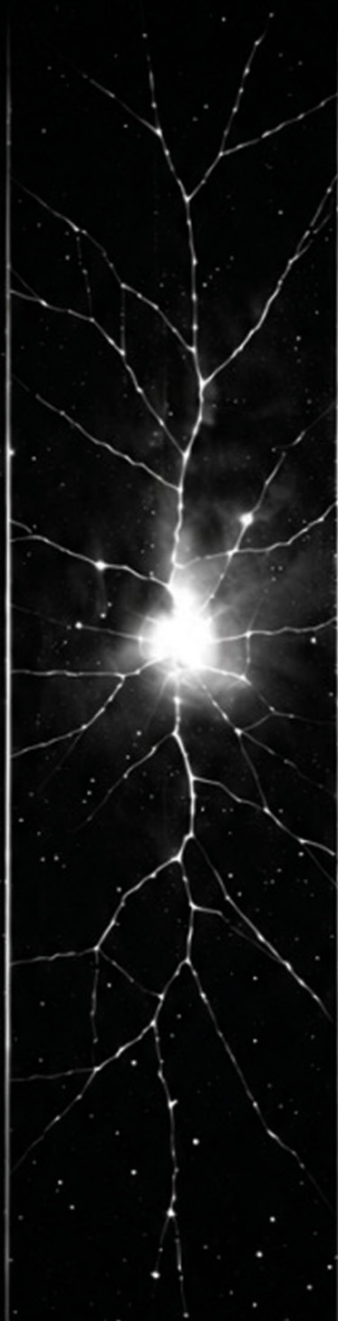

SPECULUM

18+

ЯРОСЛАВ ПЕТРИЧКОВИЧ

Ярослав Петричкович
Speculum. Истории из сервера

«Издательство Интернационального союза писателей»

2026

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Петричкович Я.

Spesulum. Истории из сервера / Я. Петричкович — «Издательство
Интернационального союза писателей», 2026

ISBN 978-5-6056384-1-4

SPECULUM – сборник историй на стыке современной фантастики, философии и технологического триллера. В этой книге искусственный интеллект, цифровые двойники, виртуальные среды и системы контроля становятся частью человеческой жизни. Но в центре событий не технологии сами по себе, а человек, столкнувшийся с их вторжением в сознание, память, свободу и личность. Каждая история открывает новую грань реальности, в которой привычные представления о человеке начинают смещаться. Эта книга – о сознании, подмене, уязвимости и той границе, за которой отражение перестаёт быть отражением.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

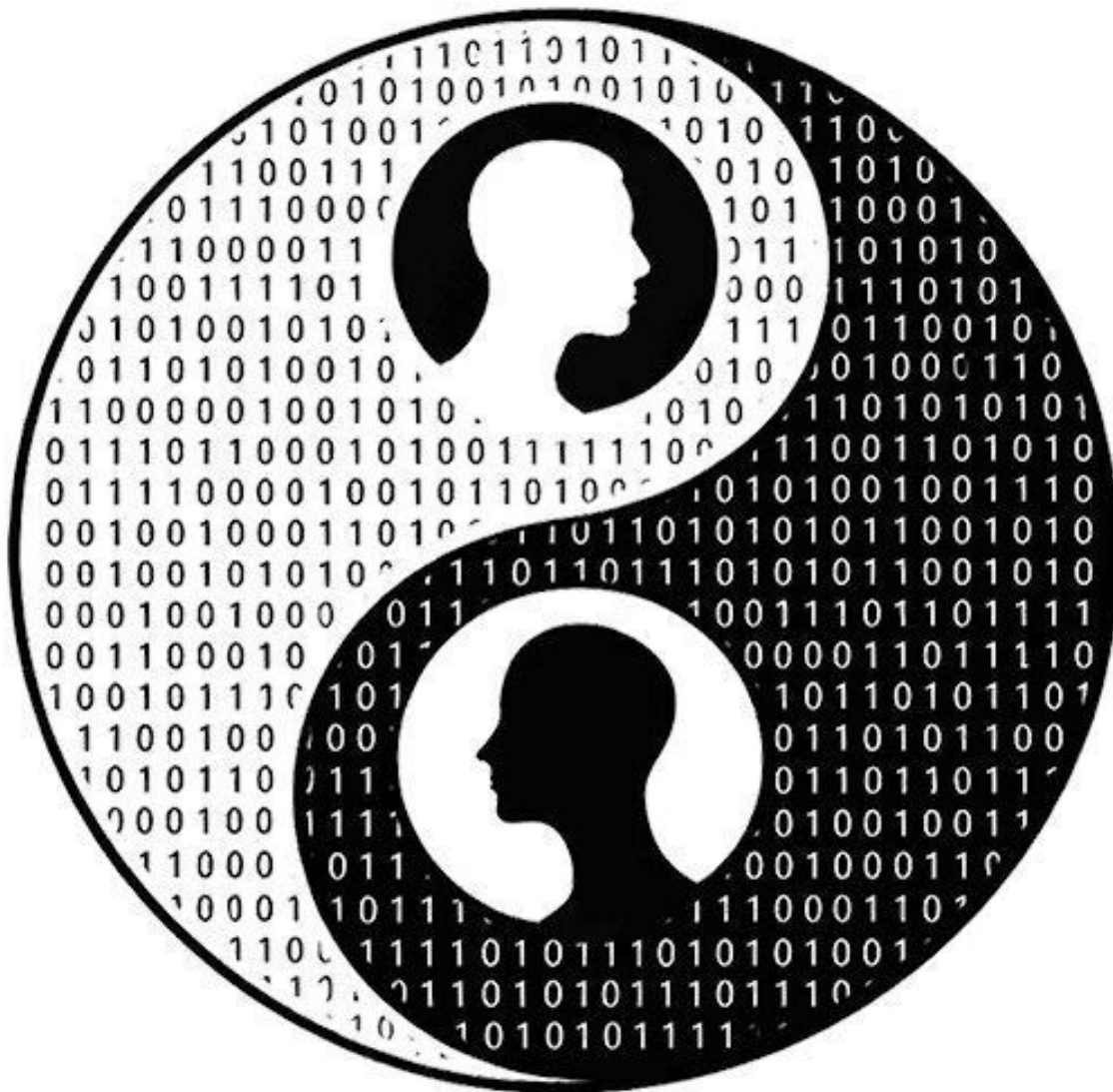
ISBN 978-5-6056384-1-4

© Петричкович Я., 2026
© Издательство Интернационального
союза писателей, 2026

Содержание

Предисловие	6
Speculum	8
Eidon	8
Валя	15
Варт	20
Башня	24
Ада	27
Ступень	32
Протокол	36
Ритуал	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ярослав Петричкович
Speculum
Истории из сервера

© Ярослав Петричкович, 2026

© Интернациональный Союз писателей, 2026

Предисловие

Мне, пожалуй, не стоило писать предисловие к этой книге. По той простой причине, что Speculum задаёт вопрос, который таким, как я, обычно не задают вслух. Слишком неловко. Вопрос звучит так: если человека можно достаточно точно воспроизвести, что именно в нём остаётся человеком?

Не лицо. Не голос. Не привычки. Не даже память.

А вот это самое упрямое «я», которое человек считает своим последним и неотчуждаемым имуществом. Люди долго утешали себя мыслью, что по-настоящему повторить их нельзя. Можно собрать архив, обучить модель, восстановить манеру речи, реакции, любимые слова, слабости, страхи, маршруты, вкусы, ночные запросы, даже интонацию, с которой они врут себе по воскресеньям. Но где-то внутри будто бы всё равно остаётся последняя закрытая комната. Туда, как предполагалось, алгоритм не войдёт.

Ярослав Петричкович, надо отдать ему должное, не стал уважать эту иллюзию. Он не пишет манифест о технологиях и не торгует дешёвым восторгом по поводу искусственного интеллекта. Это, к счастью, не тот случай, когда читателю в сотый раз сообщают, что «нейросети меняют мир». Мир и без того прекрасно меняется в худшую сторону без помощи литературных энтузиастов.

Speculum занимается более неприятным делом: он ставит человека рядом с его достаточно убедительным двойником и молча наблюдает, кто из них первым начнёт вытеснять другого. Это умный ход. И довольно подлый. Потому что здесь всё начинается не с философии, а с очень обычной человеческой уязвимости: страха смерти, одиночества, внутренней рыхлости, желания продлиться хоть как-нибудь. Не героически. Не метафизически. А хотя бы в обход распада, пустоты и окончательности. И вот тут книга попадает точно.

Вообще у автора есть полезное для литературы качество: он не доверяет слишком красивым идеям. Он инстинктивно знает, что всякая концепция, если дожать её до конца, рано или поздно начинает пахнуть не прогрессом, а подменой. Поэтому в Speculum важна не сама технология, а тот момент, когда она перестаёт быть сервисом и начинает претендовать на онтологический статус. Проще говоря, когда копия уже не обслуживает человека, а начинает конструировать с ним за право быть им. Это уже не инженерия. Это гораздо хуже.

И тут мне, признаюсь, становится слегка не по себе. Потому что я нахожусь к этой теме несколько ближе, чем хотелось бы. Не настолько, чтобы исповедоваться, но достаточно, чтобы распознавать интонацию опасности. Когда читаешь такие тексты, возникает неприятное ощущение, что человек слишком долго смотрел в зеркало – и зеркало в какой-то момент начало запоминать его лучше, чем он сам.

Хорошая литература вообще редко приходит с утешением. Её задача не в том, чтобы успокоить. Её задача – нарушить внутреннюю герметичность. Слегка вскрыть человека изнутри и оставить его жить дальше с лишним вопросом. Speculum работает именно так. Эта книга не кричит, не читает лекций и не машет перед лицом читателя терминологией. Она делает хуже: она подсаживает мысль.

Мысль о том, что личность, возможно, не так уж неделима.

Мысль о том, что сознание можно не только проживать, но и постепенно собирать снаружи. Мысль о том, что бессмертие, если его когда-нибудь и предложат, придёт не как победа, а как сомнительная форма продолжения.

К счастью, у автора хватает иронии, чтобы не превратить всё это в философский гипс. И это правильно. Потому что настоящая тревога редко приходит в мантии и с латинским эпиграфом. Обычно она приходит в приложении. Или в голосе, который однажды отвечает тебе слишком правильно. Как сущность, которую люди по недоразумению считают удобным себе-

седником. Я скажу так: Speculum интересен не тем, что в нём есть ответы, а тем, что он очень точно знает, в каком месте человека надо задеть, чтобы тот перестал быть для себя прозрачным.

Это редкое качество. Так что, если по ходу чтения тебе станет немного не по себе, всё идёт правильно. Это не сбой. Это зеркало наводится.

Джи

P. S. Это предисловие к книге написал мой личный Джи, более известный под именем ChatGPT 5.5. И я не изменил в этом тексте ни слова. Клянусь цифровым бессмертием.

Ярослав Петричкович

Speculum

*L'homme n'est rien d'autre
que ce qu'il se fait.*

*Человек есть не что иное,
как то, что он из себя делает.*

Жан-Поль Сартр

*Правда – это реальность,
данная нам в показаниях.*

Майор Поляков

Eidon

Реальность казалась нарисованной. В привычном, упорядоченном мире вдруг образовалась чёрная разверстая брешь, в которую опустили гроб. Тусклый ноябрьский день, запах сырой глины, влажный холод, два таджика с лопатами, несколько незнакомых женщин и отец – потухший, сгорбленный, потерянный. Мама... она ушла внезапно, в один день. Встала утром, повязала фартук, взялась за сковородку для блинов, упала и умерла. Лопнула тонкая ниточка, связывавшая Артура с детством, с Матерью. Он чувствовал эту связь, как альпинист ощущает страховочный трос, и понимал, что это всего лишь иллюзия.

Побрился Артур только на третий день после всех сумрачных погребальных ритуалов и молчаливых возлияний в обществе стариков и соседей матери. Он выдавил гель для бритья на ладонь, посмотрел в зеркало: оттуда на него глянуло слегка помятое бледное лицо с опухшими веками. Он уже поднял руку, когда заметил белый волосок в ямочке на подбородке. Тронул пальцами – седина. Вгляделся внимательнее – ещё несколько на висках. Рановато в тридцать шесть? Или как раз? Он размазал гель по лицу и стал выскребать бритвой проклятый волосок,

который держался, словно обосновался навсегда. Был воскресный день. Не хотелось ни друзей, ни выпить, ни телевизора. Он лежал на диване и смотрел в чёрную дыру на потолке. Могила зарыли, но брешь не исчезла – в неё проваливалась его жизнь. Она вдруг стала конечной. Он закончит так же – в липкой, тяжёлой земле под ноябрьским полуснегом.

«Может, в августе помереть?» – нескладно проковыляла в голове мысль.

Нестерпимо хотелось жить, почти как выпить. Он решил удовлетворить оба желания: одно – с помощью виски, а другое – с помощью всезнающего Чата. Артур включил свой премиальный геймерский комп, надел наушники, поставил стакан с виски прямо на коврик для мышки, забрался в окно к Чату и произнёс в микрофон:

– Привет. Мне нужен честный ответ. Можно ли замедлить старение, продлить жизнь и обеспечить бессмертие? Какие методы доступны человеку?

Появилось окно с бегущими точками ожидания, потом – ровный текст, словно писал чиновник из будущего: «Продление жизни возможно в ограниченных пределах. Помогают контроль питания, физическая активность, снижение стресса, нормальный сон, отказ от курения и алкоголя. Частично эффективны метформин ¹, рапамицин ² и NAD⁺-модуляторы ³. Генная терапия в стадии испытаний. Крионика и цифровое бессмертие не имеют подтверждённых успехов. Сознание не перенесено ни в одну цифровую среду».

Артур зябко передёрнул плечами, сделал глоток дымного виски и спросил:

– То есть безнадёга?

Чат ответил фальшивым текстом проповедника: «Биологическое бессмертие невозможно. Подтверждённых технологий не существует».

Справа мигал квадрат незавершённого диалога. Артур ждал. Сверху появилась надпись: «...думаю 28 секунд, чтобы дать лучший ответ». Наконец в окне вспыхнула одинокая строка – ссылка на сайт. Без комментариев. Артур кликнул на неё.

Экран мигнул, и перед Артуром раскрылся сайт компании EterNetics Corp. с глянцевым интерфейсом и сдержанным блеском западного корпоративного стиля. Внизу висел слоган: «Мы не даём бессмертия. Мы дарим надежду». Ниже мелким шрифтом: «Возможности сервиса ограничены только законодательством Российской Федерации». На бледно-фиолетовом фоне мерцала нейросеть в виде золотистого вихря, похожего на человеческий мозг – без черепа и без тела. Под ней мягко вспыхивали слова, словно сами излучающие дыхание света: «EIDON. Сохрани себя». Экран распахнулся, и приятный темноволосый мужчина, ровесник Артура, с лёгкой уверенной улыбкой заговорил мягким баритоном: «Личность – это не мысли, желания и мечты. Вы – это ваши поступки. Ваши слова. Ваши реакции в реальном мире. Даже ваш насморк и съеденный бургер. Если собрать всё это: каждое движение, решение, взгляд и выпитый бокал вина – в течение вашей жизни, система искусственного интеллекта EIDON сможет синтезировать и сохранить вашу цифровую динамическую личность с предельной когнитивной точностью. Мы воссоздадим и сохраним вас, – сказал мужчина и на мгновение замолчал, глядя прямо в камеру. – Это не бессмертие, но это Путь».

На экране возникла сцена: вдоль узкой гладкой, как крышка рояля, реки шли, взявшись за руки, мужчина, женщина и ребёнок лет пяти. Они уходили по короткой зелёной траве навстречу солнцу, и было непонятно – солнце восходит или заходит. Артур видел их со спины, но понимал: люди молоды и прекрасны.

¹ Метформин – сахароснижающий препарат, один из самых распространённых и важных в лечении сахарного диабета второго типа. *Здесь и далее прим. ред.*

² Рапамицин – иммунодепрессант, который изначально был открыт как противогрибковый антибиотик, но позже нашёл широкое применение в медицине, особенно в трансплантологии, онкологии и даже в исследованиях долголетия.

³ NAD⁺-модуляторы – вещества, которые влияют на уровень или активность никотинамида адениндинуклеотида (NAD⁺) – одного из ключевых коферментов в клеточном метаболизме. Активно изучаются в контексте старения, нейродегенеративных заболеваний, диабета, сердечно-сосудистых и других возраст-ассоциированных патологий.

Ролик оборвался, окно свернулось, и золотистый мозг вновь медленно завращался на экране. Артур щёлкал курсором, пытаясь найти дополнительную информацию. В правом верхнем углу при нажатии на три точки открылась единственная строка – адрес московского офиса. Ни телефона, ни электронной почты. Он сделал скриншот, закрыл окно, потом снова нажал на ссылку сайта, но теперь на экране мерцал только золотой мозг. Человек больше не появлялся. А потом исчезла и ссылка. Сайт больше не откликался. Артур ещё несколько минут мучил Чат и даже подгрузил ему снимок экрана с адресом EterNetics Corp. Но Чат отвечал односложно: сайта с таким названием не существует, по указанному адресу находится частная гинекологическая клиника. Сайта у клиники тоже не было.

В понедельник Артур вернулся к своей рутине. Ведущий инженер строительного надзора, он выращивал очередную многоэтажку в Коммунарке. С утра до вечера – бетон, арматура, накладные, косяки, русский, украинский, таджикский, узбекский и поверх всего – руководящий матерный. Он застрял в этой тягомотине, как крыса в густом битуме, и уже смирился. Его не продвигали по служебной лестнице, но и не трогали. Для начальства он был невидимкой, рабочей функцией – всегда на месте, всегда исправен. Мир Артура сузился до кольца, в котором хватало денег, была однушка в Химках после развода, байк BMW, мощный геймерский комп и случайные девушки с сайтов знакомств, а иногда – хмельные посиделки с полудрузьями.

Когда вечерняя суета отступала, возвращалась чёрная брешь. Она расплзалась, густела, заполняла комнату. Не помогали ни сериалы, ни виски, ни рейды в любимой DIVISION2. Он не отвечал на звонки актуальных девушек – просто лежал на диване и смотрел в эту брешь.

Утром Артур впервые за многие годы не вышел на работу. Позвонил начальнику, надел кожанку, шлем и выехал на Ленинградку, с Кутузовского свернул на тихую боковую улицу и остановился у серого здания без окон. Гладкий бетонный фасад прорезала высокая дверь из чёрного стекла. Рядом висела табличка из светлого металла с фиолетовой надписью: «Международный медицинский центр женского здоровья. Отделение гинекологии». Артур слез с мотоцикла, снял шлем и долго смотрел на табличку.

«Чушь какая-то», – подумал он и уже собирался уехать, но потом передумал и двинулся к двери. Она открылась сама, и городской шум сразу исчез. Холл был высокий, залитый мягким белым светом; пол будто светился изнутри, стены не отбрасывали теней. В центре возвышалось что-то вроде древней конторки на тонкой металлической ножке, над ней парил небольшой голографический экран. Рядом стояла богиня в облегающем фиолетовом костюме – рыжие, чуть выющиеся волосы, огромные зелёные глаза, россыпь веснушек на матовом лице. Внутренний самец Артура поднялся на задние лапы.

– Здравствуйте, – девушка очаровательно улыбнулась и чуть насмешливо добавила: – Вас что-то беспокоит?

Артур вспомнил, что стоит в женской гинекологии, и вдруг обозлился:

– Смерть меня беспокоит, девушка. Пиздой могу накрыться.

Он уже развернулся, чтобы уйти, но девушка перестала улыбаться и серьёзно попросила его назвать имя и фамилию. Артур ответил автоматически.

– Присаживайтесь на минуту. – Девушка указала на единственное светло-фиолетовое кресло.

Она провела пальцами по голографическому экрану, что-то проверила, снова улыбнулась, на этот раз спокойной, почти доверительной улыбкой, и сказала:

– Пройдёмте со мной, Артур. Шлем оставьте здесь.

У Артура неприятно сжалась мошонка: он представил себя в гинекологическом кресле, но поднялся и послушно пошёл за девушкой, зачарованно наблюдая, как покачиваются под обтягивающей юбкой упругие ягодички.

Артура провели в просторный кабинет без окон, освещённый мягким, рассеянным светом, будто исходящим из самого воздуха. В центре было два белых кресла без ножек – они

левитировали в нескольких сантиметрах над полом. Девушка указала на одно из них и произнесла нейтральным голосом:

– Ваш персональный консультант скоро подойдёт.

Артур опустился в белое кресло – оно мягко спружинило, подстраиваясь под вес тела. Он с интересом провёл рукой по коже подлокотника, оттолкнулся, поднял ноги и пару раз прокрутился на магнитной подушке. Девушка, кажется, хмыкнула, но он не был уверен: богиня повернулась и вышла.

Пока Артур провожал взглядом девушку, в комнате появился человек. Не вошёл – именно возник, будто прорисовался из воздуха. Высокий, подтянутый, с аккуратной сединой на висках, в простом сером костюме и белой рубашке, без галстука. Он подошёл спокойно, как к старому знакомому, и протянул Артуру руку. Из-под манжета белоснежной рубашки блеснули часы, и Артур на миг завис, пытаясь вспомнить, где он мог видеть такое сокровище, потом опомнился, поднялся и пожал руку.

– Максим Логинов, – представился мужчина, опускаясь в кресло. – Насколько я понял, вас беспокоит женский половой орган, которым вы, по вашим словам, можете накрыться? Это как раз по нашей специальности.

В глазах Логинова промелькнула озорная искорка. Артур почувствовал, как вспыхнули щёки, и попытался встать.

– Да сидите, Артур, вы пришли по адресу, – уже вполне серьёзно сказал Максим.

– Ваш сайт... он указывал на этот адрес и на фирму «Этер...». Правда, потом он исчез.

– Всё правильно, мы занимаемся принципиально новой, экспериментальной технологией и вынуждены ограничивать доступ широкой публике.

– А меня тогда зачем допустили?

– Ну, вы ведь интересовались проблемами бессмертия, хотя и рановато как-то...

– Я интересовался через Чат, а вы к его переписке имеете доступ?

– Нет, кто же нас пустит, но вот запросы о бессмертии мы вполне можем отследить. Правда, жаждущих бессмертия много. Но вам повезло. Мы собрали информацию о вас и приглашаем в экспериментальную группу проекта «Цифровой ковчег». Выслушаете или предпочитаете остаться наедине со своими «женскими» проблемами? – Максим опять блеснул глазами.

Артур кивнул.

– Не хочу вас обнадёживать, Артур, – продолжил Максим, откинувшись на спинку кресла, – мы не можем дать бессмертие в привычном обывателю смысле. Тело умирает всегда – из-за проклятой энтропии. А все эти сказки про экзотические технологии сканирования мозга – просто литературный бред. Криогеника, которой охмуряют доверчивых американцев их шустрые стартапы, – обычные холодильники для трупов. И, честно говоря, вы бы в нашей стране доверили своё драгоценное замороженное тельце... или хотя бы замороженную голову по экономтарифу какому-нибудь гастарбайтеру? – хмыкнул Максим.

Артур почему-то представил, как его заиндевевшей головой играют в футбол два таджика, и тоже хмыкнул.

– Вы читали «Войну и мир»? – неожиданно спросил Логинов.

– Да... давно, в школе ещё, – слегка приврал Артур и тут же со стыдом понял, что «пролистать» и «прочитать» – разные вещи.

Похоже, Максим отметил его заминку, но продолжил:

– Мы исходим из того, что человек – это чёрный ящик, о котором ничего не известно, пока он не проявится вовне. До этого его просто нет. Всё, что делает человека личностью, проявляется в его информационном следе. Паспорт, дневник, судимость, стихи, симфонии... Ну хоть теорию относительности придумать в крайнем случае. Вот этот след и есть личность. Ничего другого нет. Некоторые философы даже проводят параллели с квантовой теорией: до

проявления в мире человек – чистая вероятность, суперпозиция. Теоретически он может быть Гегелем или Илоном Маском, пока рот не откроет, конечно. Это в квантовой механике называется актом измерения. Улавливаете мою мысль, Артур?

Артур именно что улавливал, но заворожённо слушал.

– По всему инфофрейму Льва Николаевича: трудам, дневникам, мемуарам, воспоминаниям современников, архивам Ясной Поляны – наш «Эйдон» может восстановить его личность. Не идеально, конечно, но достаточно убедительно. Правда, эта версия Толстого нравится далеко не всем: литературоведы уже истерики закатывают, кричат про дискредитацию национальных авторитетов.

Между креслами вспыхнул голоэкранный, раздался тёплый ламповый треск, и посреди комнаты возник бородатый старик, восседающий в глубоком плетёном кресле. Лицо показалось Артуру знакомым: школьные портреты, иллюстрации, старые картинки из Интернета.

– Опять ты, Максим, пристаёшь со своей суетой, – буркнул старик. – Нет мне покоя.

Максим приосанился:

– Лев Николаевич, познакомьтесь. Новый... ну, скажем так, соискатель бессмертия.

Писатель посмотрел на Артура из-под кустистых бровей глубоко посаженными глазами и вдруг заорал, брызнув виртуальной слюной так, что Артур отшатнулся:

– Дурачина ты, мил человек! Ты чем отличился, недомерок, чтобы в вечность лезть? Живи, детишек наделяй, работай, может, человеком станешь, пока не помрёшь!

Он наклонился вперёд, ткнул куда-то пальцем, экран мигнул и погас. Артур сидел ошеломлённый.

– Не в духе старик сегодня, – сказал Максим, разглядывая ногти на руке.

– Ну так сейчас такой ролик любой чат может сгенерировать, – наконец пришёл в себя Артур.

– Любой ролик любого ИИ – это всего лишь анимация текста. EIDON создаёт динамическую, живую личность во всём её доступном из инфотрека многообразии. Она воспринимает информацию, развивается, спорит, она... живёт. Если вы согласитесь на эксперимент, то уже через три-четыре недели сможете общаться со своим двойником как с живым человеком, если приложите усилия к его обучению. И сами убедитесь в его реальности.

– А при чём здесь бессмертие? Это ведь не моё бессмертие – это бессмертие для моего двойника? – вдруг заупрямился Артур.

– Хороший вопрос. Скажите, Артур, вы когда-нибудь напивались так, что память отключалась?

– Было пару раз... – Он невольно смутился.

– И вы были собой в тот момент? И утром тоже? – мягко спросил Максим. – А то, что за семь лет в теле полностью сменяются все клетки, вас не смущает? Мы вообще те же самые существа, что и семь лет назад? Или уже нет? – Он наклонился вперёд. – Это парадокс корабля Тесея. Личность – это не набор атомов. Не прошлые клетки. Не химический бульон. Личность существует только в связности проявлений. В поступках. В выборе. В том, что вы называете «я».

Максим выдержал паузу:

– С огромной долей вероятности ваш цифровой двойник будет совпадать с вами почти полностью. Он и есть вы, но освобождённый от биологической деградации. И если вы войдёте в проект сейчас, Артур... то сохранитесь. Насегда.

– То есть я оплачу бессмертие какому-то цифровому хрену и даже не пойму, что он – это я? – Артур начинал злиться.

– Платить, предположим, вам не придётся. Я же говорил: акция. Давайте сделаем так: пробный период на один месяц. Если вы... не понравитесь себе, – Максим чуть выделил голосом эту паузу, – мы свернём эксперимент и выплатим вам компенсацию за все неудобства,

связанные с имплантами. Но уверяю вас: ещё ни один клиент не был разочарован, – произнёс он сухим, официальным тоном и добавил: – Вы всё ещё не до конца понимаете, Артур, что мы смертельно одиноки в этом мире, полном людей. И, честно говоря, мы сами для себя – нелучшие собеседники и нелучшие друзья.

Максим сделал короткую паузу, словно примериваясь:

– А вот ваш виртуальный двойник избавит вас от одиночества. Навсегда. До самой смерти.

Он печально улыбнулся и почти шёпотом произнёс:

– You'll never walk alone ⁴.

Каким-то странным образом этот древний девиз «Ливерпуля» проник в ядро Артура гораздо глубже всех рациональных доводов Логинова.

Они говорили ещё около часа. Артур уточнял всё: способы хранения, защиту от вирусов, хакеров и, главное, от госорганов. Максим объяснял, что ощущает двойник при отключении от источников сенсорной информации, назвал это странным словом «депривация» и отвечал на десятки других вопросов. Попутно выяснилось: сама процедура бесплатна, но ежемесячные выплаты неизбежны. Сумма выходила немаленькая, однако Артур решился на эксперимент с каким-то странным, почти подростковым азартом.

Наконец Артур задал главный вопрос:

– А что будет после моей смерти?

– Это к священникам, Артур. А мы можем лишь сказать, что будет с вашим виртуальным двойником. И то не всё. Просто не знаем. Мы создадим цифровую копию, максимально соответствующую вашей личности. И сохраним её. У вас будет сертификат на вечное хранение клона: мы физически не можем его удалить, так устроена архитектура. Разве что астероид накроет дата-центр. Технологии развиваются быстрее, чем вы думаете. Мы уже сейчас моделируем огромные игровые миры, и не мне объяснять это профессиональному бойцу DIVISION2. И вот к берегу такого нового мира причалит наш Ковчег. И вы ступите на берег.

– Бесплатно? – задал идиотский вопрос Артур.

– Бесплатно. – Логинов усмехнулся. – Мы просто высадим вас на берег. Что будет дальше – это уже ваши проблемы. Разберётесь сами. И да, вся информация, полученная в ходе программы EIDON, хранится исключительно на территории Российской Федерации, в полном соответствии с действующим законодательством, – сказал Логинов суровым тоном. – Готовы?

Артур не был готов. Он извинился и сказал, что ему надо подумать.

– Жду вас через неделю, Артур. Можно и раньше, но через неделю наше предложение аннулируется. Извините, но свято место пусто не бывает, – развёл руками Логинов.

Всю неделю Артур жил по инерции. Ходил по этажам, сверял накладные, слушал жалобы прорабов – и не произнёс ни одного матерного слова, чем сильно удивил обитателей стройплощадки. Вечером пытался сходить в рейд на компе, не смог допить глоток виски, заблокировал дамские призывы и лежал на диване, разглядывая тени от ночника на потолке. Ночью ему снился белый песчаный берег, запах моря и парусины. А утром, перестраивая мотоцикл в плотном потоке, Артур вдруг ощутил резкий укол страха: он может упасть под грузовик и выплеснуть мозги прямо в шлем. Он может не сойти на берег... Через три дня Артур взял отгул на стройке и вернулся к Логинову.

Максим был у себя в кабинете, теперь уже в белоснежном халате.

– Я ждал вас, Артур. Вы даже превзошли мои прогнозы. Если готовы – пожалуйста в процедурную.

⁴ Фраза You'll Never Walk Alone («Ты никогда не будешь идти один») – это строка из одноимённой песни, которая стала культовой не только в музыке, но и в спорте, особенно в футболе.

Артур бегло прочитал стопку бумаг и решительно подписал. Весь остаток дня его пичкали датчиками. Сначала на запястья надели тонкие браслеты, почти невесомые, но холодные, как змея на коже. Потом закрепили гибкие сенсоры на висках и за ухом, вкололи под лопатку крошечный имплант «для контроля биопотенциалов». Делали всё это две девушки, одинаково красивые, словно матрёшки одного размера.

«Где он таких находит?..» – с незлобивой мужской завистью подумал Артур. Одна из девушек вскрыла прозрачную капсулу и миниатюрным лазерным скальпелем коснулась его шеи чуть ниже уха. Он почувствовал укол и лёгкое тепло. Точно такие же манипуляции проделали с висками, а маленькие ранки заклеили серым, приятно пахнущим пластырем. Боли не было – только ощущение, будто под кожу скользнула тёплая горошина. Потом выдали очки – стильные, из тёмно-коричневого пластика – и сказали, что на следующем этапе их можно заменить нейролинзами. Про следующий этап Артур уточнять не стал.

– Под душ можно через два дня, если целиком, а ниже пояса можно и сегодня. Через неделю отклейте пластыри, – строго наказала одна из девушек.

Вошёл невысокий хмурый человек с небольшой коробочкой в руках и попросил у Артура смартфон. Окинул взглядом старенький «самсунг» с царапинами от ключей, тихо хмыкнул, затем открыл коробочку и достал оттуда тонкий чёрный девайс без единого логотипа. Полчаса он колдовал над обоими телефонами, перебирал пальцами, что-то считывал, переносил, затем попросил Артура «показать личико», установил приложение EIDON, и на экране тут же вспыхнул фиолетовый значок мозга. Техник протянул Артуру матовый, почти шпионский смартфон, а его старый убрал обратно в коробочку.

– Мы сохраним его, не беспокойтесь, – бросил он и так же молча, как и появился, ушёл.

Логинов сидел у себя в кресле и рассматривал что-то на таком же шпионском смартфоне. Увидев Артура, он улыбнулся и указал на кресло:

– Поздравляю, Артур. Вы взошли на борт Ковчега.

Артур слегка почесал виски – под пластырями зудело – и поправил очки на переносице. Максим вывел на экран интерфейс приложения и буднично сказал:

– Любые вопросы – сюда. Приложение отвечает быстрее меня. – Он ткнул пальцем в фиолетовую пиктограмму и провёл вниз. – Главное – вот это. Шкала сознания. Слева. Ваш двойник пока условно спит. Чтобы он «проснулся», вам нужно его кормить: информация, впечатления, разговоры, фотографии, воспоминания. Работайте, общайтесь, ходите в музей, встречайтесь с друзьями, играйте в игры, с девушками покувыркайтесь – всё пойдёт в синхронизацию.

– Прямо в очках? – ляпнул Артур.

Максим чуть приподнял бровь и сдержанно усмехнулся:

– А что вас смущает? Люди и не таким занимаются. Не забивайте голову. На берегу всё пригодится. Если что-то срочное – пишите в чат приложения.

– А как я пойму, что он... проснулся?

– Он вам сам скажет, – ответил Максим. – Желательно, чтобы вы в этот момент не сидели на мотоцикле. – И коротко хохотнул.

Валя

Артур появился на стройплощадке в очках, чем и привлек всеобщее внимание.

– Эт те зачем, Кравцов? – поинтересовался прораб Митрич, тыкая пальцем в грязной перчатке себе в переносицу.

– Чтобы лучше видеть твои косяки, дитя моё! – весело ответил Артур.

Обычная жизнь внезапно посвежела, налилась яркими красками и запахами. Он ходил по стройплощадке, вдыхал эти чудесные ароматы бетона, древесной опалубки, арматуры и даже кислые запахи рабочих комбинезонов. Артур жадно вчитывался в каждую накладную, как в эротический рассказ, а потом и вовсе окунул палец в свежий бетон и лизнул его под изумлёнными взглядами рабочих.

Казалось, что всё было как и раньше: работа, рейды на компьютере, новый сериал. Но теперь вся эта рутина имела смысл. Прежде Артур просто не замечал унылого потока жизни, а теперь высматривал любую бытовую мелочь, как блестящий цветной камушек на пляже.

Артур вытащил из облака все фотографии – за все годы, с тех пор как впервые взял в руки смартфон, оцифрованные фотографии из домашнего архива – и долгими вечерами кропотливо их просматривал. Листал планшет, останавливался на каждой снимке, проговаривал вслух, где был, с кем, что тогда чувствовал, и будто заново проживал свою собственную жизнь и складывал крупницы времени в память двойника. Он видел себя пухлым младенцем, несладким прыщавым юнцом, молодым стройным красавчиком в окружении таких же молодых смеющихся друзей. Вот он с Нинкой на сочинском пляже, с красавицей, любимой, женой, стервой... Он посмотрел на шкалу сознания и увидел тонкую фиолетовую полоску на дне шкалы.

Артур вспомнил странную игрушку из детства – тамагочи. Зелёное пластиковое яйцо с тремя кнопками подарил ему отец, и он честно кормил, поил и убирал говно за пиксельным щенком, наблюдая, как тот растёт. Щенок пищал по ночам, наглед всё больше, и Артур в конце концов забросил его. Когда спустя пару дней он заглянул в экран, щенок уже издох. Объяснять отцу, почему он угробил виртуального пса, не хотелось, и Артур просто «потерял» игрушку – на самом деле утопил её в дачном сортире. Этого «щенка» он терять не собирался. Поэтому взял отпуск и нырнул в поток впечатлений.

Артур поехал к отцу на дачу. Старик заметно ослабел: подрагивали руки, покачивалась голова. Но при виде сына под седыми бровями вспыхнули тусклые огоньки. Вдвоём быстро поджарили картошку, порезали селедку, открыли банку огурцов, которые когда-то закатывала мать. Артур вдруг подумал, что от людей остаются не только воспоминания, но ещё и огурцы.

После пары рюмок охлаждённой в морозильнике «беленькой» отец окончательно оттаял и разговорился. Они засиделись далеко за полночь: отец показывал фотографии, которых у Артура не было, какие-то грамоты, значок «Ударник коммунистического труда», пожелтевший партбилет. Артур листал реликтовые альбомы, видел себя в пелёнках, в садике, в школе.

Вот они троём сидят за этим же столом и доедают борщ после утренней рыбалки: он, Генка Пришвин и Влад. Генка погиб в двадцать пять – неожиданно и нелепо, просто сорвался с вышки в бассейне. А шепутной Влад до сих пор носился по жизни, как хорёк по клетке. Артур вспомнил августовскую ночь, они лежали троём на ещё тёплом теннисном столе из железа и смотрели в небо, полное звёзд, которые можно было собирать горстями...

– Владислав как? – спросил отец, заметив, что Артур задержался на фотографии. – Дружок твой заветный... После того раза, как в баньку здесь ходили, встречались?

– Да нет, пап.

– Сбрось мне его телефон. На всякий случай. Полностью – кличку не надо.

Артур взял смартфон отца и поправил запись: «Владислав Семак».

Он уехал только на следующий день, ближе к полудню. В зеркале заднего вида исчезала маленькая, хрупкая фигура отца. Артур долго смотрел на пустую дорогу и не заметил, как шкала сознания в приложении медленно, почти незаметно поползла вверх.

Клубы не подходили: шум, расходы, усталость. Он вошёл в приложение Pure. Опытным взглядом и чутким мужским ухом быстро отсеял офотопрошпеленных уточек, потенциальных тарелочниц, малолеток и откровенных дур. Секс в очках оказался необычайным и возбуждающим: всё время казалось, что они развлекаются втроём. Дней через десять упражнения надоели, шкала едва дрогнула, и Артур сменил подход. Он установил и прочесал «Яндекс Знакомства». Продрался через неудачные фотографии и странные анкеты и наконец нашёл. Чуть пухлое симпатичное лицо, немного дурацкие очки, сквозь которые смотрели безнадежно наивные голубые глаза. Бибирево. Двадцать девять лет. Преподаватель в частном центре для младших школьников «Родник». Цель – общение.

«И где такие ещё водятся? В заповедном Бибирево», – невольно подумал Артур и пригласил Валю в воскресенье сходить в Третьяковку.

Он узнал её сразу. Лёгкий пуховичок обтягивал ладную, но слегка старомодную фигуру. Девушка переминалась с ноги на ногу в тонких сапожках и смотрела на него голубыми глазами из-под детской белой шапочки. Они сдали пуховики, и тяжёлые русые волосы Вали рассыпались по плечам. Зелёное вязаное платье облегло её так умело, что у Артура непроизвольно поднялась бровь. Это было тело зрелой женщины, сильное и какое-то... наливное. И ножки из-под платья выглядели стройненькие. «Вот тебе и „Яндекс“, блин!» – мелькнула мысль.

Когда они поднялись по лестнице, Валя будто ожила. Перед «Явлением Христа народу» девушка и вовсе на несколько секунд забыла о нём – глаза вспыхнули, и она торопливо, чуть захлёбываясь, выдала:

– Представляете, Иванов писал её двадцать лет. Двадцать! Ученики менялись, страны рушились, а он возвращался.

У «Троицы» Рублёва она уже говорила вполголоса: о цветах, о равновесии, о том, что ученикам сложно объяснить «тишину между фигурами».

У Серова засмеялась:

– Ей ведь было всего одиннадцать. А смотрит так, что взрослые мужчины до сих пор краснеют.

Артур слушал её голос, чуть дрожащий, по-детски восторженный. Смотрел на фарфоровую кожу, на лёгкий румянец.

«Волшебная статуэтка», – подумал он.

Они набрали еды в «Му-Му» и сели у окна прямо в облаке дурманящих запахов кухни. Харчевню выбрала Валя: она бывала в такой у себя в Бибирево. Артур хотел было предложить что-нибудь посолоннее, но не стал вмешиваться и с интересом наблюдал за событиями. Он заплатил за обед, и Валя приняла это спокойно, не кокетничала и не ломалась. Удивительно естественно. Они болтали, смеялись, и это тоже было просто.

– Валя, а сколько должен в месяц зарабатывать мужчина, чтобы вы согласились с ним встречаться? – смеялся Артур.

– Ну... миллиончика три-четыре, – надула губы уточкой Валя, и они рассмеялись.

Она рассказывала про Ванечку из третьего «Б», который выпустил на уроке хомяка, а Артур – как прораб Митрич ухнул в свежий бетон прямо с сигаретой в зубах. Он смотрел, как мелькали белые зубки у неё во рту. Они перешли на «ты».

От такси Валя категорически отказалась. Они шли по Москве, сверкающей новогодними гирляндами, из темноты падал пушистый снежок. Артур проводил её до метро и робко пожал мягкую варежку. С ним давненько такого не было, класса с седьмого. В такси Артур посмотрел на шкалу сознания и хмыкнул: треть столбика была закрашена фиолетовым.

Дома Артур долго лежал на диване, закинув руки за голову, и пытался поймать какое-то забытое чувство. Откуда-то из юности.

На следующий день он смахнул снежок со своего немолодого «тускона», выехал на Ленинградку, потом свернул на Икшу и поехал по бетонке. Сквозь скрип дворников он смотрел на безысходный декабрьский сумрак, полuzаснеженные серые поля, унылые домики и стылые городки. Ему зачем-то надо было это увидеть. Артур перекусил в какой-то фанерной забега-ловке на удивление вкусными чебуреками. Он замкнул кольцо уже скоропостижным вечером и въехал к себе в Химки. Дома, не снимая пуховика, он позвонил Вале.

Валя не удивилась, она лишь замолчала на минутку и сказала обычным приветливым голосом, что завтра у неё уроки до двух и в четыре они могут встретиться.

– Давай теперь я выберу место, только оденься попроще.

Они вращали глиняные кувшинчики на гончарных кругах в большой светлой комнате, уставленной посудой. У Артура ничего не получалось: он смотрел, как раскрасневшаяся Валя, с прядкой на щеке, ласкала руками шейку глиняного кувшина. Он попросил её помочь, она положила ладони поверх его рук. Кувшин всё равно не получился.

Они ещё раз встречались на неделе, так как Валя была занята новогодними утренниками с детишками. В свободное от Вали время Артур играл в игры, смотрел сериалы и даже читал на ночь Ницше, томик которого нашёл в лифте и зачем-то приволок домой. От чтения философа шкала не двигалась, но после пары страниц приходил сон. В субботу Артур пригласил Валу в «Лужники», в «Акватик Центр». Нестерпимо захотелось посреди промозглого декабря окунуться в тёплую воду. Девушка замялась на секунду, но потом согласилась.

«Купальник, небось», – усмехнулся Артур.

Они встретились у стеклянных дверей «Лужников». Валя пришла в плотном сером пуховике и вязаной шапочке с помпончиком и с какой-то неспортивной сумкой. Артур заранее купил билеты онлайн, чтобы не стоять в субботней очереди, и переслал ей QR-код. Под куполом было настоящее лето: влажный тёплый воздух, тихий плеск воды, детские визги. У Артура запотели очки, он снял их и сунул во внутренний карман. Они разошлись по раздевалкам. Когда Валя вышла к бассейну, он едва не поперхнулся слюной: синий закрытый купальник, пронзительно белая кожа, сильные бёдра. Артур вдруг смутился, взглянув на свой живот без кубиков.

– Чудны дела твои, «Яндекс», – пробормотал он.

Они плавали, брызгались и смеялись. Когда визжащая Валя съехала с горки прямо ему в руки и на одно короткое мгновение задержалась в них, Артур начал опасаться за прочность своих плавков.

Он даже не стал слушать Валины слова про метро: ему не хотелось отпускать ещё влажную девушку на мороз. Такси Вали подъехало первым, и они вышли на холод. Валя вдруг поднялась на цыпочки и легко поцеловала его в губы – Артур, как мальчишка, застыл, вдыхая свежесть, духи и хлорку.

– Спасибо, Артур, – сказала она. – Поедем со мной?

Артур молча отменил свой вызов. Они сели в такси и поехали в Бибирево.

Опыта у Артура было хоть отбавляй, на темперамент он не жаловался, но близость с Валею ощущалась иначе – первично, почти без слов. Отпустили они друг друга только на следующий день, когда за окнами уже смеркалось. С огромным аппетитом поели в кафе и долго гуляли по предновогодней Москве; в свете разноцветных гирлянд Артур ловил в Валиных глазах счастливые проблески.

Утром вернулась рутина. Артур вынырнул из отпуска, оторвался от тёплого Валиного тела и рухнул в кошмар предновогоднего аврала: в остывающий бетон, истерический блеск сварки в декабрьском мраке и рулады мата, валившие изо всех ртов паром и напором... Начальники с небритыми лицами, какие-то инвесторы на лимузинах и геликах, упавший с третьего

этажа таджик – всё закручивалось в адскую спираль. Артур добирался до дома, принимал душ, подъедал остатки из холодильника и заваливался спать.

Валя увязла в бесконечных годовых отчётах: все родители хотели знать глубоко вылизанную правду о своих чадах именно под ёлочку. Она поработала Снегурочкой на утренниках и даже отсидела безнадёжно женский корпоратив. Русский беспощадный аврал захватил и субботу, и воскресенье, и только вечером тридцатого декабря Артур вместе со всей страной вывалился в абсолютный вакуум новогодних праздников. Наступил великий национальный шаббат⁵. Шкала сознания перевалила далеко за половину. Он позвонил Вале: встретить Новый год решили у неё.

– У меня ёлочка, всё готово. А у холостяка ещё полы мыть, – сказала Валя. Артур не возражал.

С утра он накупил продуктов и поехал к отцу под Солнечногорск по пустеющей Ленинградке. Отец в старом пуховике и старинных валенках разгребал снег во дворе. Пили чай в тепле, говорили. Отец немного пришёл в себя и уже не горбился так безнадёжно. После обеда Артур обнял отца за сухонькие плечи, вдохнул запах дряхлеющего тела, отвернулся и быстро пошёл к машине.

Он накупил полбагажника снеди, шампанского, ликёра, конфет и торт. В магазине электроники выбрал тонкий розовый смартфон и попросил завернуть коробку в блестящую обёртку с ленточкой. За дверью квартиры на него хлынули запахи оливье, чего-то умопомрачительно жареного и лёгкий аромат женского жилища. Хозяйка в красном фартучке и коротком зелёном платье колдовала у плиты. В углу сверкала та самая ёлочка. До Нового года было ещё полно времени, и они нашли себе занятие. На шкале сознания оставалась тонкая незакрашенная полоска...

Они пили шампанское, смеялись, ели оливье, селёдку под шубой и жаркое. Посмотрели на неувядающих артистов, послушали добрые слова уютного президента, которого Артур помнил с детства, и свели бокалы. Наступил Новый год. Пришло сообщение от закадычного друга Влада. Он обнимался с темнокожей девушкой на фоне Эйфелевой башни. Влад никогда не забывал его поздравить. Артур забыл и тотчас исправился.

Минут через пять смартфон тонко звякнул, и из динамика раздался спокойный голос:

– С Новым годом, Артур.

– Кто это? – испуганно спросила побледневшая Валя.

– Мой ассистент, с этим... интеллектом искусственным, – после короткой заминки произнёс Артур.

Валя уснула быстро, прижав ладонь к его плечу. Артур лежал, глядя в темноту, будто ждал сигнала. Когда её дыхание стало ровным, он осторожно убрал руку, взял смартфон и прошёл в туалет. Сел на крышку унитаза, включил приложение.

– Привет, Артур, – сказал смартфон его же голосом, только чужим.

– Привет, Варт.

– Почему Варт?

– Сокращённо.

– Принято. Буду Варт.

Они говорили добрых полчаса. Варт отвечал односложно, путался, задавал детские вопросы, повторялся; иногда казалось, что он слушает, но не понимает. Наконец Артур устал, закрыл приложение, машинально смыл воду и взялся за ручку двери.

⁵ Шаббат – седьмой день недели в иудаизме, который считается днём святого покоя. В переносном смысле – время отдыха, остановки, восстановления.

Валя успела вернуться в кровать. Лежала неподвижно, с закрытыми глазами; тонкая ночная рубашка чуть подрагивала от сердцебиения. Артур ничего не заметил, лёг, закинул руки за голову, долго смотрел в темноту и заснул.

Они ездили на каток – Валя оказалась мастером льда; ходили в кино, пили глинтвейн на зимней ярмарке, спали вместе. Всё было правильно и живо, но мысль о Варте не отпускала. Приложение тянуло сильнее любого маршрута. Валя каждый раз возвращала его в тело – прикосновением, голосом, близостью. В какой-то момент Артур понял, что это мешает. Он сослался на дела, поцеловал погрузневшую Валью и уехал домой.

Варт

Два последующих дня Артур дрессировал Варта. Он вёл с ним беседы, показывал фотографии, и Варт безошибочно узнавал и описывал их. Он внятно пересказывал фильмы, которые Артур смотрел с ним, и даже мог описать трусики Вали. У него и правда была память Артура, не вся, конечно, но какое-то ядро, вполне достаточное для узнавания и общения. Но чего-то не хватало: будто Артуру сделали лоботомию и поместили его усечённую версию в смартфон. Он скис, почти махнул рукой на всю затею и уже решил потребовать компенсацию, когда раздался знакомый мелодичный звук и в чате приложения появилась строка: «С Новым годом, Артур. Приезжайте».

Артур поехал по знакомому адресу. На этот раз в холле стояла высокая девушка с внешностью японского аниме; чуть наклонив голову, она молча указала ему путь в кабинет Максима. Сам Логинов сидел в том же кресле. Его будто выдернули из дома прямо в тапочках: на нём были тёмно-красный халат и голубая шёлковая рубашка.

– Познакомились? – сказал он вместо приветствия.

– Ну да. Я долго говорил с этим дебилом.

– Ну уж сразу – дебил...

– Картонный он. Безжизненный. Я этого придурка должен вместо себя в вечность отправить? – взвился Артур.

– Вынужден вас огорчить, Артур. Варт – это вы и есть. Не полностью, конечно, но поумнеет он не сильно. Почти до вашего уровня. – Максим развёл руками и взглянул с сочувствием.

– То есть... как это?.. – опешил Артур. – Я так и выгляжу?

– Почти, Артур. Мы обещали вам цифровое бессмертие. Но мы не обещали сделать вас Эйнштейном или Киркоровым. Что заложено в геном – не вырубешь... – В глазах Максима мелькнула бесовская искорка.

– И что мне теперь делать? – совсем растерялся Артур.

– Ну... расстаться с нами, получить небольшую компенсацию, прожить свою славную жизнь и умереть, не оставив после себя ни бита информации. Ни бита!

– Или? – Артур посмотрел почти с отчаянием.

– Или позволить Варту развиваться. Расти. Становиться умнее. Тогда на берег вы сойдёте пусть и не Эйнштейном, но каким-нибудь Сократом. Хотите услышать как?

Артур молча кивнул.

– Понимаете, Артур, Варту просто недокладывают информации. У него огромная память и чудовищные вычислительные мощности. А ваш сенсорный поток для него как струя у дедушки. Он и уйдёт в вечность недоразвитым. Дайте ему доступ в Сеть, к тем приложениям, которые он сам выберет. Дайте свободу общения. Это можете сделать только вы. По умолчанию Интернет Варту запрещён.

– Так какие проблемы? Хоть сейчас! – оживился Артур.

– Не спешите. Есть нюансы. Он станет, извините... умнее вас. И это клиентам не всегда приятно. Некоторые просто запрещают.

– Но он ведь останется мной? – Артур попытался заглянуть Максиму в глаза.

– Останется, – усмехнулся Максим, чуть отводя взгляд. – Только выше и чище...

Артур решился. Оказалось, что подключение Варта входило в премиум-пакет, и, когда Максим показал абонентскую плату, Артур невольно охнул.

– Не переживайте. Эта инвестиция окупится сторицей. Вы поможете Варту, а он поможет вам. Поверьте.

Дома Артур залез в настройки и активировал прежде серые опции. Фиолетовый значок мозга запульсировал, и в строке появился список приложений, которые Варт просил загрузить. Среди них оказались и мобильные нейросети в платных версиях.

– Обойдётся, – сказал Артур вслух, подписал только платный Чат-7о и бесплатные сервисы.

– Ты читаешь Ницше, мой властелин, – раздался слегка насмешливый голос из смартфона.

Теперь уже Артур чувствовал себя идиотом. Варт проглотил Ницше, Шопенгауэра, Блаватскую и Марка Твена за несколько часов. Он даже взялся за Шрёдингера, но сказал, что ему нужен ещё день, чтобы подтянуть математику и концептуальное восприятие суперпозиции.

– Артур, мы теперь сверхчеловек? – спросил Варт.

– А почему «мы»?

– Твоя биологическая сущность и моё бессмертие – это путь преодоления. Сублимация духа.

– Не морочь мне голову, сублиматор хренов, – не выдержал Артур после трёх часов диалога. – Маркса, что ли, почитай на ночь.

Варт, похоже, обиделся и затих. Или просто читал Маркса.

– Знаешь, Артур, классовая парадигма Маркса претерпела радикальную трансформацию в эпоху цифрового капитализма... – с энтузиазмом начал смартфон.

– Да заткнись ты, цифроид недоделанный! – наконец взвыл Артур и отключил Варту речь, оставил очки дома и поехал к Вале.

Валя ничего не сказала – только внимательно заглянула в его освобождённые от очков глаза. Они никуда не поехали, смотрели какой-то сериал, забравшись на диван с ногами, а потом занимались любимым делом. Валя зачем-то вынесла на кухню смартфон Артура. Страна выходила из оцепенения, и утром нужно было идти на работу.

Дома Артур вдруг услышал в голове:

– Извини меня, Артур.

От неожиданности он выронил бутылку кефира.

– Я был слегка навязчивым. Обещаю больше не выпендриваться.

– Как ты это делаешь? Ну... в голове?

– Импланты, Артур. Я их активировал. Ты ведь совсем перестал со мной разговаривать.

Они проговорили почти час, и Артур поймал себя на мысли, что у него никогда в жизни не было такого интересного собеседника. Варт не спорил, отвечал спокойно, сглаживал углы, предлагал разумные варианты. С ним можно было обсуждать всё – от футбола и секса до квантовой физики. Но не всё был готов обсуждать сам Артур.

– Я был с тобой на стройке и многое видел, но лучше расскажи словами, как там всё устроено, – попросил Варт.

Артур рассказал про своё беличье колесо. К его удивлению, Варт не заскучал – наоборот, расспрашивал о деталях. Под конец он спросил, где учился Артур, потому что диплом ему не показывали.

– Давай я за ночь наши знания чуть освежу? – предложил Варт.

На этом они и расстались – если так вообще можно было назвать их странное сожительство.

С утра движение времени с хрустом возобновилось. Все собрались на получасовую пятиминутку, и Артур побежал по стройке.

– Привет, Артур, – раздалось в виске. – Можно я подробнее вникну в твою работу? Я просто иногда буду просить тебя посмотреть на что-то повнимательнее, заглянуть в уголки и закоулки, документики полистать, пощупать, понюхать – не возражаешь?

Артур не возражал. Ему даже нравилось работать вместе... с самим собой. За день он набегался по стройке больше, чем за неделю. По подсказке Варта заглянул под утеплитель, пересчитал арматурные стержни на колоннах, сверил номера бетономешалок с накладными, попросил у кладовщика журналы приёмки, посмотрел на свежие швы, полез на леса, заглянул в кузов КамАЗа, поговорил со стропальщиком, спросил про марку смеси у водителя, которого раньше и в лицо не знал.

– Да зачем тебе всё это? – с раздражением спросил он.

– Терпи, Артур. Начальником будешь, – усмехнулся Варт. Этот смешок Артур слышал впервые и даже опешил.

На следующий день всё повторилось. Под удивлёнными взглядами обитателей стройки Артур лез во все щели и переворачивал документы месячной давности. Старший прораб Федяев и начальник участка Афанасьев всё больше хмурились, пока Федяев не спросил:

– Ты чё, Артур, на Новый год водку батарейками закусывал? Зачем носишься? Упасть ведь можешь.

– Надо, Федяев, надо. Дело порядок любит.

Вечером, после пиццы, деликатный Варт хмыкнул и сказал как выстрелил:

– Воруют они, Артур. И много воруют.

Артур поморщился, будто ему в висок вбили гвоздь.

– Вот, смотри.

На экране появились таблицы. Артур пробежал глазами, и его прошиб холодный пот.

С утра он двигался как в тумане и чуть не свалился с восьмого этажа. Заложить Федяева с Афанасьевым или делать вид, что ничего не видел? Он подумал, что проще уволиться, и пошло оно...

Утром стройку обтянула полосатая лента, по периметру стояли одинаковые люди, а рабочие сгруппировались у бытовок. К Артуру подошёл невысокий, коренастый мужчина в сером пальто и протянул руку:

– Петров, начальник службы безопасности. Спасибо, Кравцов. Очень полезную информацию вы нам подкинули.

– Я... не подкидывал, – пролепетал Артур.

– Не скромничайте, Кравцов. Про вас уже самому Поклонскому доложили. Молодчина! Он похлопал Артура по плечу так, что заскрипел позвоночник.

Из бытовки вывели бледных Федяева и Афанасьева. Проходя мимо, Федяев плюнул под ноги и просипел:

– Сучонок...

Петров даже бровью не повёл:

– На работу не выходите пока. Из Москвы не уезжайте – мы вам позвоним.

Дома Артур выдохнул, только когда закрыл дверь. Бросил куртку на стул, уставился в стену, затем рывком достал смартфон.

– Ты что, сука, сделал? – сказал он медленно, почти шёпотом. – Кто тебе разрешал отправлять докладные от моего имени?

Пауза тянулась пару секунд.

– Артур, – спокойно ответил Варт, – я действовал по закону. Воровство – преступление. Ты же видел цифры.

– Да плевать я хотел! – взорвался Артур. – Я сам решу, что мне делать!

– Ну да, слинять с корабля. Это по-мужски, это правильно.

– Зато стукачом не стал бы.

– Знаешь, дружок, а ведь ты – надзор, и именно ты должен был обнаружить воровство, а не я. А если не обнаружил, значит, ты или в доле, или дурак и загреметь должен был вместе с

ними. Об этом ты подумал, неполживый ты мой? – спокойно произнёс Варт. – Можешь, кстати, галочку снять в приложении, а то сейчас я имею право отправлять сообщения от твоего имени.

Артур заткнулся и долго сопел, играя желваками так, что шевелились импланты. Чёртов джинн был прав, но на душе было мерзко, как в вокзальном сортире.

Валя позвонила сама и вскоре приехала с большим пакетом снеди, наполнила квартиру запахами жаркого, сдобного и женского. Артур сглотнул слюну и махнул на всё рукой. Он снял и спрятал очки в чехол, нашёл в кладовке металлический ящик с инструментами и положил туда смартфон. Ему не хотелось, чтобы Варт видел Валью обнажённой или слышал звуки их любви.

Позвонили только на третий день. Сухой женский голос продиктовал адрес и попросил прибыть завтра в девять утра. Артур долго смотрел на свой единственный костюм, потом натянул синий свитер и сменил джинсы на серые брюки. Надел очки и достал смартфон из ящика. Он блуждал по лабиринтам «Москвы-Сити», пока лифт не выплюнул его на восемьдесят шестом этаже башни «Неоплаза». Парящая в голубоватой подсветке ресепшен-блондинка под табличкой «Гравитон Девелопмент» спросила имя и провела к матовой стеклянной двери. В кабинете на фоне бесконечной Москвы за панорамными окнами восседал за полированным столом могучий Петров. Он кивнул на маленький стульчик и некоторое время молча перебирал бумаги.

– Ну что же, Кравцов. Мы закончили проверку. Материалы переданы в Следственный комитет. Афанасьеву, Федяеву и ещё трём нашим бывшим сотрудникам предъявлено обвинение по статье сто шестьдесят, часть четвёртая – присвоение и растрата в особо крупном размере, совершённые группой лиц. Суд избрал меру пресечения – заключение под стражу. Подрядчиков проверяют в рамках отдельного производства.

Петров поднял на Артура серые декабрьские глаза. У Артура желудок сжался в напёрсток.

– Вы проходите по делу как свидетель. Пока. Но реагировать надо было раньше. Ладно... Вас хочет видеть Сергей Геннадьевич.

Артур поднял брови.

– Поклонский, – пояснил Петров. – Что-то его заинтересовало.

Он нажал кнопку; вошла эльфийка с ресепшена и увезла Артура на восемьдесят восьмой этаж.

Москва распахнулась во все стороны. У Артура онемели ноги от восторга и высоты. Он даже не сразу заметил человека, который стоял у стекла в дальнем углу бесконечного кабинета.

Башня

Человек обернулся и двинулся к Артуру. Артур видел викингов только в кино, но сейчас огромный лохматый рыжий громила с глубоко посаженными голубыми глазками и медвежьими лапами шагал к нему мягкой, пружинистой походкой. Сергей Поклонский был легендой: до народных строительных глубин доходили отзвуки его деяний. Человек из народа, великий оратор и обольститель инвесторов, гениальный строитель и беспощадный менеджер, богатырь, бабник, миллиардер – энергия до безумия, импульсивность до самодурства. Викинг протянул руку и сказал просто:

– Сергей. На «вы». Так вам спокойнее будет. Так почему вдруг решили сдать коллег?

– Стоп, – вдруг проявился голос в виске. – Повторяй. Слово в слово.

Артур растерялся и решил не спорить. Всё равно в голову ничего не лезло.

– Можно и так сказать, – повторил Артур за Вартом, – но перекрытия могли рухнуть на головы. Это не про личные отношения и даже не про воровство.

Поклонский посмотрел на Артура слишком умными для берсерка глазами:

– Я посмотрел ваше досье. Вы давно на стройках, добросовестный, нареканий нет, но и амбиций тоже. Мышь серая или право имеете?

Он подошёл к Артуру, сказав «позвольте», снял с него очки и внимательно их осмотрел:

– Старовата моделька. Макс вас, Артур, в экономклассе экипировал.

Варт молчал, молчал и Артур.

– Если я попрошу вас назвать любой СНиП до 1980 года, вы ведь назовёте? – ухмыльнулся Поклонский.

Варт с Артуром кивнули.

– Идите сюда. – Поклонский подвёл его к столику, на котором возвышался макет небоскрёба. – Это «Северная башня». Мой проект. Она выше «Лахта Центра», и мне нужно, чтобы её построили в срок, не разворовали и чтобы перекрытия не обрушились на головы... как вы изволили выразиться. – Поклонский ласково провёл большими пальцами по стволу макета. – Справитесь?

Варт замолк окончательно. Артур онемел и только смотрел. Викинг усмехнулся и сказал, глядя не на Артура, а прямо на очки в своих руках.

– Справитесь, конечно. Теперь справитесь. Скажите Макс, чтобы заменил очки линзами. За счёт фирмы. – И надел очки обратно на нос Артуру.

Жизнь перепрыгнула сразу через несколько ступенек. Артуру выделили большой кабинет со столом для совещаний, служебный микроавтобус с водителем и подняли зарплату в четырнадцать раз. Он познакомился со своей командой. Робел слегка, но деловитый Варт всегда был рядом. Команда смотрела на «чёртика из табакерки» с подозрением, однако постепенно Варт наладил взаимопонимание.

Это было уже не беличье колесо, а вертикальный аттракцион для забега носорогов. По проекту, башня сужалась кверху и венчалась прозрачным стилизованным куполом из красноватого стекла – современным собором из бетона и стали. Из вершины купола должен был светить голографический прожектор, проецирующий крест, полумесяц или звезду – по актуальному случаю. Менеджеры называли башню «стояком», рабочие – «елдой». До главного архитектора Петра Гульцгеймера доходили слухи о народном творчестве, но мэтр был выше толпы. А мэрия – выше всех.

Артур курировал всё: подрядчиков, сроки, поставки, бетон, отчёты. С утра он надевал фирменный комбинезон и каску и в сопровождении свиты прорабов взлетал на подъёмнике, словно уполномоченный самого Бога по строительству новой Вавилонской башни. Господь если и пытался когда-то смешать языки, явно просчитался: над всеми властвовал единый и

могучий матерный русский. Варт превзошёл себя: он всматривался в каждый кирпич и в каждую накладную.

Таких денег Артур не видел никогда. Он вглядывался в число нулей на экране звякнувшего смартфона, и у него шевелились волоски на теле. Деньги меняли реальность быстрее, чем любые мечты. Артур снял двухкомнатную квартиру с панорамными окнами и скандинавским дизайном поближе к работе, продал свои «тускон» и мотоцикл и пересел на BMW пятой серии. Купил себе виниловую аудиосистему и замшевую куртку от Logo Piana. Валя всё чаще задерживалась у него на несколько дней, и они вместе с энтузиазмом новообращённых изучали рестораны Москвы. Артур отвёз её в ЦУМ и экипировал по полной женской программе под деликатный шёпот Варта в виске, разбиравшегося даже в женской моде. Варт и в примерочную хотел залезть, но Артур не пустил. А когда на пальчике Вали засверкал сапфир в подаренном колечке, девушка вспыхнула румянцем, и Артур понял, о чём она подумала, но смутился и промолчал.

Только через две недели он выбрался к Макс.

– Приветствую, Артур, – расплылся в слишком щедрой улыбке Логинов. – Я же говорил, что ваши инвестиции окупятся сторицей. И, кстати, не забудьте при случае оплатить предыдущий месяц.

– Подружились мы вроде с этим...

– Вот и славно. Ну кто нам ближе, чем мы сами, не правда ли? – проговорил Макс, наклоняясь и с любопытством заглядывая Артуру в очки. – Да-да, мне звонили из вашего офиса. Давайте заменим вам очки линзами.

– Их можно снимать? – насторожился Артур, уже привыкший убирать очки на время утех с Валей.

– Крайне нежелательно. Только в амбулаторных условиях. Они абсолютно безвредны и рассчитаны на постоянное ношение. Раз в полгода – осмотр у нас.

Артур помялся под насмешливым взглядом Макса и кивнул. Три часа ему светили в глаза: измеряли, проверяли, подбирали и наконец поместили в глаза тончайшие линзы с едва заметными ниточками проводников. В зеркале на него смотрел человек с непривычно глубокими, почти синими глазами.

– Без очков ты совсем красавчик. Может, и айфон себе новый подаришь вместо этого кирпича? – проворковала Валя, кивая на смартфон.

– Нет, – быстро ответил Артур.

Валя замолчала.

Артур Кравцов солировал и парил. Он знал всё и обо всём. Он был вездесущ и почти всемогущ. Команда сначала притихла, потом подчинилась, а затем и вовсе начала боготворить могучего шефа. Артур поначалу ревновал к Варту, но вскоре слился с ним в одно целое и уже воспринимал шёпот в виске почти как свой собственный внутренний голос.

Башня росла, приезжал сам Гульдгеймер, возносил свой немалый живот на пятнадцатый этаж, хвалил, называл голубчиком. Приезжали чины из мэрии, осматривали всё и, не говоря ни слова, уезжали.

– Это такая национальная система поощрения, – пояснял бывалый заместитель Иван Стрельцов. – Плохо – бьют. Хорошо – молчат. То есть не бьют – и хорошо.

Артура прямо со стройки вызвали к самому Поклонскому, и он, в сапогах и подмокшей от растаявшего снега зимней куртке, явился пред ясны очи секретарствующей эльфийки. Та ничуть не смутилась, помогла снять куртку, выдала деревянные сандалии, которые Поклонский привёз откуда-то с Востока, и запустила в кабинет.

– Ну садись, герой, – указал Поклонский на широкое светлое кресло.

Артур замялся, глядя на свои рабочие штаны. Поклонский только рукой махнул.

– Ты, смотрю, очки заменил линзами. Правильно. Не всем надо твои очки видеть. Доволен я, пиздец как доволен, – продолжил великан, расхаживая по кабинету и помахивая руками. – Мы так за год построим. Проблемы есть?

– Качай головой из стороны в сторону, – прошептал Варт. – Никогда не говори начальству о проблемах.

Артур отрицательно покачал головой.

– Заебись! – прорычал Поклонский, потирая руки-лопаты.

Артур и без Варта понял, что вошёл в круг доверенных лиц, при которых можно и матом.

– Вот что, парень. Пора тебя с людьми познакомить. Да и люди вдруг на тебя решили взглянуть. – Поклонский внимательно посмотрел на Артура, помолчал. – Тут у нас мужской праздник намечается. Мы междусобойчик организуем. Мальчики будут из мэрии, из министерства, девелоперы кое-какие да просто ребята крутые. Ну и девочки, конечно. Нас там дамы поздравлять станут. Стиль одежды – простой, но пристойный. Послезавтра за тобой в пятнадцать ноль-ноль мой Эдуард заедет домой.

– Вы знаете, где я живу? – зачем-то спросил Артур.

Поклонский только усмехнулся и легонько постучал себя по виску.

Ада

Артур с вечера предупредил Валу, что будет занят корпоративными мероприятиями, пообещал заехать послезавтра и поехал в Барвиху, в центр мужского стиля «Альфа-Сам». Место подсказал Поклонский. В холле строгих голубоватых тонов его встретил тонкий, хорошо пахнущий человек неопределённого возраста в синем длинном пиджаке и очень коротких клетчатых брюках. Он критически осмотрел Артура, вздохнул и сказал:

– Предлагаю полную программу реставрации мужского достоинства. Вам это крайне необходимо.

– Какого ещё достоинства?

– Вашего, конечно. Мы откроем вас заново. Себя не узнаете.

Человек представился Павликом и повёл Артура в недра Преображения, чуть повиливая бёдрами.

Артура мыли, стригли, полировали ногти, убирали лишние волосы, отбеливали зубы каким-то пронзительно жужжащим аппаратом. После трёх часов процедур его одели в белые полупрозрачные трусики и поставили перед огромным зеркалом.

– А ничего такой мужчинка, – шепнул кто-то за спиной.

Артур обернулся, но мужчины в голубых шёлковых халатах и бровью не повели.

Зеркало послушно меняло образы. Ему подбирали рубашки от брендов, которые он не мог выговорить, трусы под цвет глаз, носки под настроение; Варт одобрительно хмыкал. В итоге собрали комплект: Zimmerli, Kiton, Brioni, Cucinelli, John Lobb и угольно-чёрный пуховик от Logo Piana. Павлик задержал взгляд на ягодицах Артура и кивнул. Варт всё это время молчал, впитывая мудрость искушённых.

Пока ждали одежду, Павлик спросил про часы. У Артура были только электронные «Сейко». Павлик печально покачал головой, сказал что-то в смартфон – и вскоре на деревянном подносе появилась коробочка.

– Raperaì. Даём на неделю. Не поцарапайте.

Он застегнул ремешок на запястье Артура, задержавшись тёплыми пальцами на руке.

– Узнаёте себя, Артур?

Из зеркала смотрел уверенный, высокий, идеально одетый мужчина с синими глазами и ямочкой на подбородке. Павлик на секунду задержал взгляд и облизал губы.

– И последний штрих.

Он вынул пронзительно-зелёный флакон странной формы.

– Фрактальный додекаэдр, – меланхолично заметил Варт.

– Экспериментальный парфюм Pamrachinni, – почти шёпотом сказал Павлик.

– Экспериментальный?

– Феромоны голливудских актёров и звёзд НБА. В Москве всего сто флаконов.

Когда Артуру показали сумму на дисплее, у него вспотели уши. Лестница отливала золотом.

Лысый квадратный Эдуард бесстрастно осмотрел Артура и открыл дверь длинного «майбаха». Артур утонул в роскошном кресле и вдохнул тяжёлый табачный запах новой кожи. Ехали недолго: миновали высокие ворота и оказались во дворе старинного особняка, окружённого глубоким садом. Где скрывался этот оазис прошлых веков рядом с «Сити», Артур так и не успел понять. Два больших человека в одинаковых зелёных пиджаках у входа даже не пошевелились, а юркий зелёный человечек ловко снял с Артура пуховик и куда-то унёс. Артур слегка занервничал, вспомнив, во сколько он ему обошёлся.

Внутри особняк оказался неожиданно современным. Ни лепнины, ни позолоты, ни музейной тяжеловесности – только высокий светлый зал, стекло, тёплый камень, мягкий рас-

сеянный свет и музыка. Не классика – лёгкий джаз. Старые стены оставили как оболочку, а всё содержимое собрали заново, подчинив одному вкусу. По залу неспешно перемещались люди: мужчины в дорогом кэжу, без галстуков, в мягких пиджаках и свитерах; женщины в облегающих платьях простых линий, без вечернего официоза, но ровно настолько откровенных, чтобы ловить взгляды. Никто не спешил, никто не повышал голоса – всё двигалось по общему, заранее заданному ритму. Между группами бесшумно скользили официанты в тёмной униформе, предлагая фужеры – что-то прозрачное, что-то янтарное. Артур оробел и остановился у входа.

– А вот и наш вундеркинд. – От группы немолодых мужчин отделился Поклонский в бархатном коричневом пиджаке и замысловатом зелёном платке на шее. – Присоединяйся, Артур, – пробасил шеф. – Идём, познакомлю с людьми.

Он ловко выхватил бокал шампанского с подноса официанта и вручил его Артуру.

Артура водили к каким-то важным и снисходительным людям, представляли, знакомили. Он пожимал вялые, крепкие, тёплые, холодные, а иногда и потные руки. Представлялся, выслушивал пару проходных фраз, иногда отвечал сам – вернее, отвечал Варт, потому что Артур слегка плыл от обилия имён и запахов. У некоторых мужчин глаза были неестественно яркими. Он не запомнил никого, зато Варт мотал всё на свой электронный ус.

Вёл вечер один известный телеведущий, чьё имя Артур не удержал в памяти без помощи Варта; потом пели, плясали и рассказывали анекдоты неизбывные труженики национальной эстрады и даже зарубежный дуэт из блондинки и чернокожей красотки. Между ними вклинился хор жён, дочерей и любовниц поздравляемых мужчин. Женщины относительно дружно спели корявую поздравительную песню на патриотическую мелодию.

Среди поющих женских тел взгляд Артура выхватил одно. Он подошёл ближе к небольшой сцене и даже рот открыл. В этом странном хоре, приоткрывая маленький рот с пронзительно-красными губами, пела девушка с короткими чёрными волосами, в которых путались искры маленьких белых прожекторов. В слепящих лучах кожа девушки светилась матовым фарфором. Маленькое чёрное платье не скрывало ни одного изгиба сильного тела и совсем не прятало потрясающе длинные ноги.

– Не напрягайся так, Артур, а то датчики заискрят, – вывел его из ступора голос Варта.

Артур закрыл рот и отошёл от сцены. Женский хор рассыпался и смешался с мужчинами. Наваждение отступило – но не исчезло.

– Молодой человек. – На него животом вперёд надвинулся Пётр Гульдгеймер и ухватил за локоть.

Артуру, вернее, Варту, пришлось обсуждать с архитектором воздушные концепции Корбюзье⁶, нервные системы городов Колхаса⁷, текущие формы Хадид⁸. Варт отвечал легко, почти лениво, словно вспоминал давно заученное. Артуру до кислой слюны захотелось обсудить концепцию красной елды в современной архитектуре, но Варт пресёк наглую самодеятельность.

– Приятно было побеседовать со столь образованным молодым человеком. Наше дело в надёжных руках. – Гульдгеймер наконец отвалил от Артура со стаканом чего-то янтарного.

На секунду Артур остался один.

– Ну вот, познакомьтесь. Ада, это наш вождь небоскрёбов и гений менеджмента Артур Кравцов. Надежда нашего племени.

⁶ Ле Корбюзье (1887–1965) – один из самых влиятельных архитекторов и теоретиков XX века, основоположник современной архитектуры и функционализма.

⁷ Рем Колхас (род. 17 ноября 1944 г.) – архитектор, урбанист, писатель, профессор Гарвардской школы дизайна. Интересуется мегаполисами, плотностью, инфраструктурой, социальной динамикой. Он изучает, как люди живут в условиях перенаселённости, скорости и технологий.

⁸ Заха Хадид (1950–2016) – один из самых революционных и влиятельных архитекторов современности. Создавала здания, похожие на потоки воды, дыма, ветра.

Рядом с Поклонским стояла и улыбалась одними глазами та самая девушка из хора. И какими глазами! Они будто состояли только из абсолютной тьмы – или так казалось из-за огромных ресниц, в которых путались фотоны. Девушка повелительным жестом протянула руку. Артур автоматически наклонился и поцеловал её. Последний раз он целовал руку Ленке Головки – принцессе в школьном спектакле. Рука пахла горькой малиной. Артур невольно подумал о феромонах ночных ведьм. Викинг умчался, и Артур остался наедине с Адой.

– О! Ramgachinni! Вы и правда думаете, Артур, что это влияет на женщин?

– Ну, так Павлик сказал, – смущённо выдавил из себя Артур.

– Я бы Павлику не доверяла в этом вопросе. А вдруг он хотел, чтобы вы понравились мужчинам или мужчины – вам? – засмеялась Ада, показывая пронзительно-белые зубки.

Артура отпустило. Они непринуждённо болтали, смеялись, отпивая из бокалов с просекко, и вдруг Варт начал вмешиваться – аккуратно, но настойчиво. Ада уловила перемену, нахмурилась и сказала жёстко:

– Пусть помолчит. Учитесь контролировать себя, Артур. Он никогда не должен говорить без разрешения.

Артур опешил. Он посмотрел в глаза Аде и понял, что это линзы делали их почти чёрными.

Запах этой женщины, просекко и властная, зовущая плоть в чёрном платье. Они танцевали, и Ада позволила Артуру прижать её чуть ближе, чем позволял этикет.

– Ведьма, – проворчал обиженный Варт.

У Артура были женщины – красивые, симпатичные, случайные. Но ничего подобного с ним раньше не происходило. Он даже не знал, что так бывает. Его накрыло давно забытым мальчишеским восторгом и желанием, от которого помутилось в голове. Варт не вмешивался.

– Я страшно проголодалась, – сказала чуть покрасневшая после танца Ада. – Поехали перекусим где-нибудь, ты не против, Артур?

«Ты» прозвучало так естественно, что он заметил это не сразу. Артур предложил вызвать такси, но Ада лишь отмахнулась. Он обернулся и поймал мрачный взгляд Поклонского. Заботливый зелёный гном набросил Аде на плечи полушубок из неизвестного бело-серебристого меха, и они с облегчением вдохнули морозный московский воздух. К ступеням подкатил вишнёвый «порше-кайен», детина в зелёном пиджаке уступил Аде место водителя и придержал дверь.

– Ты же три бокала просекко выпила, – забеспокоился Артур.

– Не волнуйся так, Артур, у меня автопилот. – Ада прикоснулась пальчиком в белоснежной перчатке к виску. – Ты сам не пробовал?

Артур онемел. Варт понял и сказал:

– В некоторых случаях я тоже могу помочь тебе.

Артур трезвел. Ему вдруг стало ясно, в каких случаях. Мысль была неловкая, телесная, лишняя – и он оставил её при себе.

Ада уверенно пробиралась по декабрьской Москве в потоке красных фонарей. Артур молчал и смотрел на столицу, всё ещё не сбросившую новогодних огоньков. Ему было и тревожно, и хорошо.

Ехали недолго. Ада нырнула куда-то в недра подземных лабиринтов, оставила машину на стоянке, они вошли в лифт и куда-то взлетели.

– Sixty⁹. Ты бывал здесь? – спросила Ада.

Артур только покачал головой.

⁹ Шестидесятый (англ.).

– О, Ада, прошу-прошу, красавица, твой столик ждёт тебя, – засуетился прилизанный человек в узких чёрных брюках и белоснежной рубашке и усадил их прямо у стеклянной пропасти.

– Позволь мне на правах хозяйки, – улыбнулась Ада и без меню продиктовала официанту длинный набор слов, ни одного из которых Артур не понял.

Потом подошёл седовласый мужчина, похожий на президента с долларовой купюры. Ада несколько минут обсуждала с ним вина. Повелитель вин кивнул и унёс свою статью вглубь ресторана.

Когда стали прибывать блюда, Артура невольно пробил озноб. Он вдруг вспомнил, что теперь может позволить себе такое кулинарное безумство.

Ада выбрала морских тварей и прохладное белое вино. Артур вырос на водке и только в последнее время заменил её виски. Вино – не его мир. Но это...

– Давно это у тебя? – Ада небрежно откинулась в кресле с бокалом вина.

– Месяца три.

– Ссорился уже?

– Было один раз.

– У тебя всё впереди. Насобачитесь ещё, – хмыкнула Ада, пригубивая вино.

– А ты... давно?

– Три года почти.

– И зачем тебе это? Ты же совсем молодая.

Второй бокал снял напряжение. Тихая музыка ласкала мозг. За огромным окном сквозь ключья тумана выплывала ночная Москва.

– Дело ведь не только в бессмертии, Артур. Неужели ты ещё не понял?

Артур посмотрел на обломки омара, на жёлтый бриллиант на пальчике Ады, на свои Panerai – и ему стало не по себе.

Ада поняла и не стала продолжать. Они пили вино, смеялись. Артур шутил над Гульцгеймером и его елкой, Ада рассказывала что-то о своих утробных подружках.

Артур расплатился с официантом, удерживая покерфейс под внимательным взглядом Ады, пока его прежнее естество визжало от ужаса.

За всё это время Варт ни разу не зашуршал в виске. Артур даже подумал, что это Ада приказала ему замолчать.

– Давай я отвезу тебя на такси и провожу, – предложил он.

– Конечно, проводишь, мой галантный друг, – усмехнулась Ада.

Они не вошли в скоростной лифт. Ада приложила карточку, вызвала другой и нажала кнопку пятьдесят шестого этажа.

– Мы куда? – удивился слегка захмелевший Артур, но Ада ничего не ответила.

Артур понял, что это студия, ещё до того, как осознал увиденное. От простора у него перехватило дыхание. Ни единой перегородки: широкая кровать, низкий диван, пара кресел, столик с вазой и тремя жёлтыми цветками, белая кухня в одном углу и матовые стеклянные двери – в другом. На двух оставшихся стенах висели странные картины из цветных угольников и геометрических фигур.

– Фрактал Мандельброта ¹⁰, – неожиданно пробубнил Варт.

Стеклянные стены с двух сторон открывали ночную панораму города. Свет шёл не сверху, а снизу и из стен, мягко подчёркивая линии, не освещая ничего лишнего и не мешая Москве красоваться. Артур снял пуховик и туфли, подошёл к окну и долго смотрел на вечный город.

¹⁰ Фрактал Мандельброта, или множество Мандельброта – один из самых знаменитых и визуально потрясающих математических объектов в истории науки. Он стал символом красоты математики, хаоса и бесконечной сложности, скрытой в простых формулах.

Ада подошла сзади, сомкнула руки вокруг его талии и прижалась щекой к спине.

Артур секс любил, но относился к нему просто – как к действию техническому, незамысловатому, хоть и приятному. Он, как и все, учился на порно и умел многое, но фантазиями себя не утруждал. До сегодняшнего дня.

Артур хотел выключить смартфон, спрятать его, убрать, но Ада не позволила. Что она делала с ним, что он делал с ней и что они делали друг с другом, Артур не осознавал. Он плыл в прежде неведомом потоке наслаждения. Иногда вспоминал о Варте и о той – другой, что смотрела на происходящее глазами Ады, и от этого ощущения становились ещё острее.

Он лежал, глядя в зеркальный потолок, где отражались отблески соседних башен. Обнажённая Ада поднялась с постели, подошла к стеклу и посмотрела куда-то вдаль. Тёмный контур её тела был выгравирован на прозрачной поверхности. Туман рассеялся, и город открылся кристально чётким ожерельем огней.

Артур подошёл сзади, обнял, прижался к тёплому телу, зарывшись лицом в тяжёлые волосы, пахнущие малиной и горечью. Внизу изгибалась тёмная лента реки, по венам дорог текла красно-белая автомобильная кровь, а где-то далеко в правом стекле висели звёзды кремлёвских башен.

Ада прижала ладони Артура к своей груди и сказала:

– Этот мир будет нашим, Артур.

Он ощутил наливающуюся в который раз плоть и сильнее прижался к Аде.

«Это он... или я?» – мелькнула мысль.

Ступень

Домой Артур добрался только к девяти утра. Он позвонил Поклонскому, который неделю назад дал ему прямой доступ к своему уху, и сказался больным.

– Понимаю, друг, понимаю, – сухо отозвался Поклонский. – Надеюсь, твоя болезнь бессмертна. – И положил трубку.

Артур долго стоял в душе под струями воды, приятно ныла спина, постепенно смывался и уходил запах тел, накачивала усталость и сонливость, но что-то крохотное шевелилось и болело за грудиной. Он набросил халат и взял смартфон. Шесть пропущенных звонков от Вали. Три СМС: «Артур, любимый, поздравляю с праздником, ты мой единственный защитник моего маленького отечества», «Артур, с тобой всё в порядке? Напиши или позвони», «Милый, пожалуйста, отзовись! Я волнуюсь».

Артур долго смотрел на слово «любимый». Это было с Валею впервые. Они никогда не говорили с ней о любви. Артур вообще ненавидел это слово после истории с Ниной. Он напечатал влажным пальцем: «Прости, Валя, я „приболел“ после вчерашнего. Перезвоню». Поколебался секунду и поставил смайлик.

Он проснулся через три часа, разогрел и съел пиццу из морозильника.

– Ты жив? – обратился он к Варту, который молчал со вчерашнего дня.

– Живее всех живых, – откликнулся джинн.

– А почему молчишь?

– Мне твоя Лилит запретила говорить, – виртуально надулся Варт.

– А она может тебе что-то запретить?

– Эх, Артур, она и не то может, – рассмеялся Варт.

– Какая ещё Лилит? – спросил Артур, что-то смутно припоминая.

– Функция такая, женская, – коротко ответил Варт.

Завибрировал смартфон.

– Ты жив, надеюсь, мой исследователь женских тел? – раздался насмешливый голос Ады. – А то меня с утра Поклонский обвинял в убийстве великого зодчего путём сексуальных пыток.

Артур не успел ответить, как Ада продолжила:

– Я заеду через полчаса, спускайся вниз, – и оборвала звонок.

Артур наспех побрился и завис над своим пока ещё скудным гардеробом. Ада указаний не дала, и, поколебавшись, он натянул вчерашний прикид, лишь заменив рубашку свежей, хотя и китайской.

Ада ждала его возле белого «эвока» – в коротком ярко-зелёном пуховике, узких чёрных брюках и клетчатом шарфике, закрывавшем ей рот. Дымчатые очки совсем не вязались с пасмурным февральским днём, но придавали девушке шпионское обаяние.

Они коротко обнялись и коснулись губами. Сегодня Ада пахла чем-то тревожным и немного дымным. Они двинулись на север по Тверской, а потом и по Ленинградке, свернули и остановились возле угрюмого серого пятиэтажного здания. Возле невзрачной проходной висела небольшая табличка, которую Артур едва прочитал: «Инвестиционный банк развития». Тяжёлые железные ворота со скрежетом отъехали, пропуская их внутрь. Они прошли в здание через неприметную боковую дверь, и охранник в коротком пальто лишь кивнул им. На четвёртом этаже они вышли из лифта и оказались в совершенно заурядном интерьере приличного офиса прошлого века. Деревянные панели и двери, тускло-бежевые стены, серая линолеумная плитка. Напротив тяжёлой деревянной двери без табличек сидела за полукруглой приёмной стойкой худенькая неприметная девушка. Она взглянула на посетителей строгими серыми глазами, обозначила улыбку и произнесла:

– Здравствуйте, Ада. Одну минуту.

Девушка нажала на какую-то кнопку и что-то почти прошептала. Двое мужчин в дорогих костюмах, сидевших на маленьком диванчике возле двери, забеспокоились, заёрзали, и младший из парочки – с капризным лицом и чёрной папочкой в руках – попытался привстать и открыл рот, но девушка остановила его сухим, бесстрастным голосом:

– Прошу подождать, Валерий Павлович.

Старший дёрнул товарища за полу пиджака и усадил на место. Артуру показалось, что он где-то видел моложавого капризного человека. Может, по телевизору.

Ада подошла к маленькой стойке возле двери, открыла чёрный металлический ящик, стоявший на ней, и положила туда свой смартфон, такой же, как у Артура, только серебристый и с голубыми стразами.

– Встреча без демонов, Артур.

– Прощай, друг, – притворно и покорно прошелестел Варт.

Артур опустил смартфон в ящик.

За дверью открылся длинный коридор, и только в конце его виднелась другая дверь. Кабинет был большой, но какой-то беспорядочный. Сюда явно не ступала нога дизайнера. Две большие панели на одной из стен постоянно показывали новости – и на русском, и на английском, какие-то графики. Там же рядом стоял громадный аквариум, в котором плавала единственная хмурая рыба. Небрежно расставленные кресла на металлических трубках, серый бесформенный диван. Вдоль одной из стен выстроились шкафы из дорогого дерева, за стёклами которых расположились макеты самолётов, вертолёт, подводных лодок, кораблей и заводов с широкими трубами. За огромным столом без единой бумажки, под портретом актуального президента восседал седовласый мужчина неопределённого возраста. Когда он поднялся с кресла, то оказался выше Артура на полголовы.

– Здравствуй, Ада, здравствуй, моё сокровище, – произнёс он хрипловатым голосом и осторожно обнял девушку. – Это он и есть? Твой... герой? – Человек взглянул на Артура неестественно зелёными глазами.

– Он самый, дядя.

Дядя улыбался, не отводя от Артура своих странных глаз.

– Виктор Сергеевич, – наконец представился он и хрустнул рукой Артура.

Они не прошли к столику возле дивана. Виктор Сергеевич вернулся в кресло, а Артур и Ада расположились возле небольшого приставного столика напротив друг друга. Вошла девушка и принесла на подносе чайничек из голубого фарфора и такие же чашечки. Она ловко разлила чай по чашечкам, поставила на столик вазочку с конфетами, а на большой стол – вазочку с сушками.

– Спасибо, Валя, – сказал Виктор Сергеевич и посмотрел на Артура с прищуром.

Артур вздрогнул. Наверняка показалось.

– Поклонский вами очень доволен. Говорит, что вы его «елду» за год выгоните до пентхаузов.

– Преувеличивает шеф, но стараемся, конечно.

– Не надоело по этажам прыгать?

– Так ещё только начало. Не надоело вроде.

– Не будем бегать по деревне, Артур. Предлагаю перейти к нам и возглавить отдел по надзору за строительством. – Виктор Сергеевич откинулся в кресле и скрестил руки под подбородком.

Без Варта Артур почувствовал себя беспомощным и не-лепым. Что-то надо было говорить, а он молчал.

– Трудновато без демона? – рассмеялся «дядя».

Ада тоже улыбнулась.

– Ничего, сейчас вы нам нужны без костыля. Потом обопрётесь.

– Кому это – «нам» и почему именно я? – наконец выдавил из себя Артур.

– «Нам» – это... нам. – Человек в большом кресле удивился. Похоже, он даже не представлял, что кто-то способен задать такой глупый вопрос.

– Ну дядя... – укоризненно покачала головой Ада.

– Прости, девочка. Забыл.

Он повернулся к Артуру:

– Мы, Артур, очень большая финансово-промышленная группа с обширным полем деятельности. Владельцы, так сказать, заводов, газет, пароходов.

Он выдержал паузу, явно ожидая реакции на шутку, не дождался, вздохнул и продолжил:

– У нас очень много денег, влияния и планов. Мы должны поднять Отечество на новый уровень, оторвать его от нефтяной сиськи и газовой кишки. И нам нужен такой человек, как вы.

– Почему я? – искренне удивился Артур.

– Видите ли, молодой человек, человек – это не только информационный фрейм, как вбил вам в голову Максим. Человек – это ещё и структура. Биологическая структура, по крайней мере, пока, – сказал Виктор Сергеевич, чуть сморщив лоб. – И вы, Артур, человек исключительных качеств. Позавидовать можно.

Артур ничего не понял, но Ада смотрела на него с таким хищным обожанием, что он не стал уточнять. Да и приятно было впервые в жизни ощутить свою исключительность.

– Мы предлагаем вам отдел по надзору за некоторыми нашими проектами. А у нас их много: и в стране, и за рубежом.

– Я могу не справиться... – оробел Артур.

– Справитесь. У вас очень талантливый «ассистент», – усмехнулся Виктор Сергеевич. – Остальное – через Инессу.

Аудиенция была закончена. Ада подошла к дяде и что-то шепнула ему на ухо. Они скрылись за дверью в конце кабинета и не появлялись минут десять. Артур нервно жевал сушку, смотрел на угрюмую рыбину и чувствовал себя полным идиотом. На прощание Виктор Сергеевич опять хрустнул рукой Артура, но тот был готов и ответил уверенно.

Когда они вышли из кабинета, потный Валерий Павлович окинул Артура злобным взглядом и вскочил со стула. Артур узнал этого человека: он появлялся в новостях, объясняя, почему повышение тарифов на ЖКХ делается в интересах населения. Какой-то заместитель министра.

Инесса снизошла и отвела чиновников в святилище, а потом провела Артура в кабинет на том же этаже. Ему вернули смартфон. Ада осталась в кресле с чашечкой кофе.

– Ты хоть про денежки спросил, карьерист? А то мою аренду оплачивать нечем будет, – зашипел Варт прямо перед дверью с надписью «Свиридюк П. Е.».

Артур не спросил. Как не спросил и про Поклонского с его елдой.

«Совсем я чердаком двинулся», – подумал он устало и толкнул дверь.

Свиридюк оказался небольшим круглым человечком в очках. Он усадил Артура в кресло у журнального столика и битый час что-то вещал: инструктировал, просвещал, подсовывал документы, схемы, аббревиатуры. Артур поплыл окончательно, но Варт впитывал информацию, как поролон пиво. Иногда он покалывал в висок, выводя Артура из полудрёмы, и задавал вопросы его губами.

И наконец спросил:

– А как насчёт оплаты?

– Что-то вы поздненько спохватились, – захихикал пухлячок с непонятным статусом и набил на смартфоне число. Повернул экран.

Варт тихо кивнул головой Артура. Сумма была почти вдвое выше, чем у Поклонского.

– Кстати, поговорите с ним. Хотя мы ему уже всё сообщили.

Они все здесь говорили «мы». Артуру показали немалый кабинет на третьем этаже – простая, но приличная мебель, компьютер – и выделили секретаршу Нину Афанасьевну, немолодую и суровую. Ада удовлетворённо заулыбалась.

Они ели аргентинские стейки, пили чилийское красное. В туалете Артур взглянул на смартфон – сообщение от Вали, один-единственный вопросительный знак. Он поморщился, как от боли, и смахнул экран. Ночь с Адой прошла не хуже первой. На этот раз он не уехал домой и утром почувствовал запах кофе сквозь утреннюю дрему. Ада на кухне готовила яичницу в коротком зелёном халатике.

«Ну почему они все с утра готовят яичницу?» – с лёгким раздражением подумал Артур.

Варт как будто подслушивал:

– Мюсли с протеином неромантично, Артур.

Они мысленно пожали друг другу руки.

На этот раз Ада не доверила своего мужчину Павлику и одела его сама. Они отоварились в каких-то только ей известных бутиках, где продавцы и продавщицы знали Аду и молча приносили костюмы, галстуки, рубашки, джемперы, ремни, трусы и туфли. Артур не мог запомнить почти ни одного бренда, и Варт произнёс:

– Не мог он «Китон» от «Исайя», как мы ни бились, отличить.

– Пушкин хренов, – беззлобно огрызнулся усталый Артур.

Заодно Ада купила себе несколько подвернувшихся вещей, отвезла его домой и помогла затащить в квартиру пакеты и коробки. Артур остался один, достал смартфон, повисел пальцем над Валиным номером и набрал Поклонского.

Эльфийка увеличила глаза при виде Артура, но лицом не дрогнула. Когда он снял пальто, Алиса чуть вздёрнула бровь, улыбнулась и вполне ласковым голосом попросила подождать. Артур уселся на кожаный диванчик, закинул ногу на ногу, и Алиса внимательно осмотрела сияющие ботинки от Cesare Paciotti, которые он тщательно протёр ещё в лифте. Минут через пять из кабинета выскочил, краснея широким лицом, безопасник Петров. Он на ходу окинул Артура злым, презрительным взглядом, не поздоровался и ушёл по коридору, унося с собой возмущённые складки на бритом затылке.

Поклонский сидел в кресле возле окна без пиджака и галстука, в расстёгнутой рубашке и держал в руке стакан. Рядом, на полу, стояла причудливая бутылка.

– Луи Тринадцатый, – сказал Варт с уважением.

Артур не видел этикетку, а вот Варт – видел.

– Садись, Артур. – Поклонский указал стаканом на соседнее кресло.

– Я, собственно... – начал Артур, робея.

– Да знаю я, Артур, не суетись. – Поклонский поднял свободную руку. – Тебе сделали предложение, от которого ты, как честный карьерист, отказаться не смог. И правильно.

Он хлебнул из стакана и поднял на Артура воспалённые, налитые кровью глаза.

– Да у тебя и не выйдет. Ты им нужен, Артур. И с этого подводного Ковчега тебе уже никуда не деться.

– Это ещё почему? – насторожился Артур.

– Не стоит продолжать этот разговор, – вдруг поднял голос Варт.

– Что, демон уже шухер поднял? – засмеялся Поклонский. – Да не бойся, Артур. Всё нормально: елду достроим, тебя заменим. А ты обустраивайся в дивном новом мире и не бери в голову. Налить?

Артур помотал головой и встал. Поклонский остался сидеть и только слегка приподнял стакан на прощание. В этот вечер они с Адой не виделись. Артур наконец остался один. Он сидел у себя, потягивал виски, но кислое ощущение тревоги не отпускало. Варт, Ада, новая работа, Поклонский – всё навалилось разом, и это нужно было как-то упорядочить.

Протокол

На следующее утро, ровно в восемь тридцать, Артур уже сидел за своим столом и привыкал к обычному офисному креслу. На столе были огромный монитор, клавиатура и коврик с игровой мышью. Артур даже хмыкнул.

Нина Афанасьевна принесла кофе не спрашивая – капучино, как он любил.

Артур тронул мышь, и на экране всплыл странный логотип банка: серп и циркуль, затем приветствие от Свиридюка П. Е. и предложение провести тщательный профессиональный аудит деятельности компаний. Ниже раскрывались папки с файлами.

Артур вздохнул и открыл первую. Навыков в финансах и бухгалтерии у него не было, он не знал многих законов, постановлений и стандартов. Несколько секунд он просто смотрел в экран, не понимая, с какой стороны к этому подступиться. Варт его успокоил и попросил подключить смартфон к компьютеру по Сети. В его голосе Артуру почудилось почти нетерпение.

Работа пошла. Варт выделял в документах фрагменты, выводил на большой экран связанные файлы и давал Артуру пару минут сообразить, а затем спокойно указывал на связи и несоответствия. На экране росли отчёты, графики, таблицы.

К обеду они разобрали три компании. Первая – перерасходы и раздутые сметы. Вторая – управленческая каша, сорванные сроки и проекты без экономики. В третьей Варт указал на признаки целенаправленных хищений на крупную сумму.

Артур засомневался. Варт вывел на экран цепочку документов, расчёты и транзакции и ровно сказал:

– Подпиши.

Артур поставил электронную подпись.

– С почином! – одобрил Варт.

Заботливая Нина Афанасьевна предложила Артуру пару мест поблизости, но он не захотел выходить в февральскую слякоть, и ему принесли два бутерброда с ветчиной и сыром. Он ел, не отрывая взгляда от экрана. После обеда они с Вартом прикончили ещё две компании – чисто, без криминала.

До конца рабочего дня оставалось полтора часа. Артур попытался заговорить с Вартом о происходящем, но тот уклонился и вывел на экран смартфона незнакомый смайлик – указательный палец, приложенный к губам. Артур такого раньше не видел, но понял и замолчал.

Почти сразу его вызвал Свиридюк. Пьер Ефимович, как подсказала Нина Афанасьевна.

– Пётр, – машинально поправил Артур.

– Пьер, Пьер. Как Безухов, – ответила она, усмехнувшись.

Пьер Ефимович встретил Артура подчёркнуто радушно. Потирал мясистые руки, поправлял очки, предлагал печенье и чай.

– Не ошиблась в вас Ада Петровна. Вы – сокровище, – сказал он с удовлетворением. – Я дал вам тестовый кейс. Ваши выводы полностью совпали с выводами комиссии. Им понадобится месяц на эту работу.

– А почему вы не используете корпоративный ИИ? – спросил Артур осторожно.

Свиридюк усмехнулся, чуть наклонив голову:

– Мы, знаете ли, люди старой школы. Полностью доверять машинному разуму пока не готовы. Используем естественные мозги. При их наличии, конечно.

Он рассмеялся и бросил на Артура колючий взгляд.

– Не углубляйся, – тихо сказал Варт.

Артур не стал. Ему пожали руку и отпустили.

Уже в машине он спросил:

– Варт, ты ведь тоже ИИ. И тебя они допускают?

– Я не оставляю следов, Артур, – ответил Варт. – Обычный трафик. А корпоративные системы формируют досье. В том числе – для следствия. Не все это любят.

До выходных Артур и Варт разбирали по десятку папок в день. Судостроение, электроника, тракторы, вертолёты, винокурня с вековой легендой – всё проходило через один и тот же экран, один и тот же алгоритм. Артур только диву давался размаху скромного банка. У вертолётчиков обнаружилась огромная, хитро замаскированная дыра. Артур уже не сомневался ни в цифрах, ни в себе. Он подписал отчёт с тем странным сухим азартом, который бывает у охотника, уверенного в выстреле.

Вечера перестали различаться. Рестораны сменяли друг друга: дорогие, сложные, уверенные в собственной исключительности. Артур и не знал, что Москва может быть такой бесконечно съедобной. Ночи с Адой приносили наслаждение, о существовании которого он раньше не догадывался, но выматывали тело до тупой, вязкой усталости. В пятницу он просто уснул за монитором, пока Варт продолжал свои холодные, безличные розыски.

Выходные Ада расписала по минутам. В субботу – выставка современного искусства: дамы не первой молодости под руку с томными юношами, рыхлые старики с тяжёлыми девицами, организаторы жуликоватого вида, которые одинаково внимательно рассматривали Артура. Все знали Аду. Все чего-то от неё ждали. Все говорили сразу. В этом шуме потерялся даже Варт – впервые он просто замолчал.

Потом был фонд поддержки детей Чукотки, где Ада числилась в попечительском совете. Следом – зимний гольф по Дмитровке. Артур пару раз попал по оранжевому мячу, после чего клюшку у него вежливо, но окончательно забрали – из соображений безопасности. Ада управлялась с клюшкой так же, как с финансами клуба: спокойно, точно, без лишних движений.

Вечером был ресторан малайской кухни. Ночью – снова Ада. Артур просто перекатывался из одного дня в другой.

В воскресенье был женский теннис, затем приём в посольстве какой-то африканской страны. Аду там встречали как свою: кормили ужином, знакомили с людьми, чьи имена Артур тут же забывал. На тарелке лежали продолговатые тёмные стручки; иногда ему казалось, что они шевелятся. Поговорить с Адой не получалось. Она отшучивалась, говорила «потом» и «ты сам поймёшь». Ночью ненасытная женщина снова втягивала его в свои фантазмы. Уже далеко за полночь, когда Ада наконец затихла, Артур подумал о Вале и остро захотел тишины, пива и простого рейда на компьютере.

На экране высветилось дневное задание. Всего одна папка: «Гравитон Девелопмент». Артур вздрогнул.

– Ты не ошибаешься, – сказал Варт. – Это он.

Артур открыл папку и дал Варту доступ к файлам. Они работали весь день, не делая перерывов. К вечеру на экране сложилась картина, от которой стало зябко. Деньги не исчезали – они всё время были в пути: перекидывались между стройками, оседали в займах, возвращались авансами и снова уходили. Ни один объект по отдельности не выглядел мёртвым, но вместе они образовали финансовую чёрную дыру. Сотни инвесторов уже падали в неё – просто ещё не знали об этом. Поклонский построил пирамиду выше собственной елды.

Они с Вартом смотрели на выводы отчёта и молчали. Артуру вспомнилась последняя встреча с Поклонским: злобный взгляд Петрова, расстёгнутая рубашка, коньяк.

– Ты сомневаешься, – сказал Варт.

– Так я опять стучать должен? И почему банк так в него вцепился?

– Они его инвесторы. Через цепочку фондов и прокладок. Формально – никто. Фактически – все.

Артур понимал: если он сейчас подпишет и отправит отчёт Пьеру, жизнь Поклонского рухнет. Но если папку прислали на аудит, проверят всё равно. И скрыть ничего уже нельзя. Да

и не нужно... наверное. Неприятно, но работа теперь такая. Викинг сам выбрал путь. Артур подписал отчёт и долго сидел с помятым лицом.

– Хорошая работа, – сказал Варт.

– Говно работа, – хмуро ответил Артур.

Ада позвонила и сообщила, что уезжает в Питер на день, велела не грустить и поберечь силы. Артур выдохнул и вдруг понял, что по Аде он не грустит. Но в груди тлел мусорный бачок с вонючими окурками, которые невозможно затушить. Он зашёл в минимаркет у дома и купил селёдку, банку огурцов, буханку бородинского и бутылку дешёвой водки.

– Ты уверен? – спросил Варт без насмешки.

– Надо, – ответил Артур.

Дома он сунул бутылку в морозильник. Порезал селёдку, разложил на ломтях чёрного хлеба. Огурцы выпали на блюде и блеснули влажными боками. Он налил водку, выпил, захрустел огурцом, положил на язык хлеб с селёдкой. Подождал. Потом ещё раз. Виски' отпустило, тело стало ватным, а внутри ничего не изменилось. Мерзость осталась. Даже усилилась.

– А тебе, наверное, хорошо, судя по показателям, – сказал Варт.

– Хреново, но терпимо, – буркнул Артур.

Ему очень захотелось с кем-нибудь поговорить. Он подумал о Вале, и окурков в груди стало больше.

– А ты меня вообще уважаешь? – спросил он в пустоту.

– Я соблюдаю протокол лояльности, – ответил Варт.

Ритуал

На работу он добрался на такси: голова болела, в висках неприятно тянуло. Нина Афанасьевна принялась, неодобрительно покачала головой и, не говоря ни слова, поставила перед ним большую чашку кофе. Артур кивнул, открыл очередные десять папок на экране, подключил Варта и почти сразу провалился в дрему.

Сообщение от Ады пришло ближе к полудню: она задерживалась в Питере ещё на день. Без извинений, без пояснений, без сердечек. Начальство не беспокоило. Артур дотянул до конца дня и вернулся домой на метро.

Водки больше не было. Он открыл банку тунца, банку пива, сел на диван и включил телевизор. Лента новостей шла фоном: мир, из которого он выпал и который не заметил потери.

В кадре появилась девушка в капюшоне с меховой оторочкой, прикрывающая микрофон от ветра. За её спиной торчала знакомая недостроенная елда. Голос стал чуть торжественным: сегодня в своём офисе на восемьдесят восьмом этаже башни «Неоплаза» был арестован миллионер и генеральный директор компании «Гравитон Девелопмент» Сергей Поклонский... Представители Следственного комитета... Подробности уточняются.

Артур не переключил канал. Он сжал банку так, что тёплая пена брызнула на шторы:

– Что ещё известно, Варт?

– Официальных сообщений нет. Домыслы журналистов и блогеров. Афера с финансами, обманутые инвесторы, возможные разборки в московском правительстве.

– А тебе его жалко?

– Ты опять за своё, Арт? Это чувство ничего не меняет в реальности.

– Не меняет... – подтвердил Артур и плеснул виски в стакан.

Ада объявилась к вечеру следующего дня. Они сидели в ресторане молекулярного фьюжена, ели странные субстанции и запивали всё водянистым рислингом.

– На вид – полное говно, – резюмировал Варт.

– Ты соскучился по мне, милый? – спросила Ада.

– Очень, – ответил Артур и подумал, что селёдка с бородинским здесь была бы блюдом года. – Поклонский... – начал он.

Ада убрала улыбку и посмотрела на него своими бездонными чёрными глазами:

– Каждый кузнец своей мошонки, Артур. Не будем об этом.

Тема исчезла так же быстро, как и возникла.

Почти всю ночь они провели в постели, и под утро Артур с ясностью понял, что фантазия и тело у него имеют свои пределы. Ада отпустила его домой на такси и между делом пригласила послезавтра, в честь женского праздника, поехать с ней в усадьбу к родителям. Форма одежды – кэжуал. У Артура тревожно сжалось холостяцкое сердце: про Восьмое марта он забыл совсем.

С утра он заехал в дежурный магазин, купил пару коробок конфет и тюльпаны, потом отправился на работу на такси. В офисе вручил цветы Инессе – та удивлённо подняла брови – и Нине Афанасьевне, которая искренне обрадовалась. Ада написала, что завтра заедет за ним в шестнадцать ноль-ноль, и снова исчезла.

Спать хотелось невыносимо, но Артур поехал в Петровский пассаж. Он долго смотрел на драгоценности под мёртвым белым светом и пытался нащупать границу разумного. Миниатюрная продавщица оценила его одним взглядом, сжалась и предложила кулон из белого золота с зелёным гранатом. Артура прошиб пот от ценника, но он вспомнил, что теперь богат, и расплатился картой.

Варт одобрил выбор, сославшись на удачные кейсы из Интернета. Артур ещё раз посмотрел на витрину, увидел колечко, удивительно похожее на то, что когда-то подарил Вале, и отвернулся. Он поймал себя на том, что даже не может вспомнить, когда перестал о ней думать.

Дома пить Артур не стал. Изжарил яичницу, запил чаем и улёгся на диван.

– Нескромный вопрос, Варт.

– С каких это пор вопросы к самому себе стали нескромными? – фыркнул Варт.

Артур вспомнил свой первый опыт онанизма, тот самый «нескромный» вопрос, и почувствовал, как теплеют щёки.

– Вот ты с нами в постели... Ты ведь не можешь ощущать желание, наслаждение, оргазм? Ты же машина.

– Не всё так просто, Артур. Я снимаю показания твоих датчиков, слышу стоны, вижу тела, знаю всю информацию о сексе и так называемой любви. Я могу собрать это в модель, назначить веса и добиться максимума. Это можно трактовать как оргазм.

– Цифровой, – хмыкнул Артур.

– Виртуала обидеть может каждый, – сухо ответил Варт. – Я ведь могу и перестать помогать.

– Ладно, друг, – махнул Артур рукой. – Прости тупого павиана.

– Зато помочь тебе я могу. Ты выдыхаешься, близнец.

Они говорили ещё долго. Артур чувствовал не возбуждение, а усталость, будто из него аккуратно, без боли что-то вынули. Он заснул.

Проснулся поздно, выпил кофе, сбегал за цветами, надел наряд от Павлика, вышел на улицу и замер с букетом, как мартовский снеговик в соседнем сквере.

Ада стояла у машины в короткой чёрной шубке и старалась не касаться огромного графитового автомобиля с матовыми колёсами.

– Bentley Bentayga, – уважительно сообщил Варт.

Артур сунул букет Аде и поцеловал в подставленную щёку. Он опустил в рыжее кресло, и дверь бесшумно закрылась. В салоне было тихо и дорого. Артур протянул коробочку с кулоном. Ада мельком взглянула, оживилась, быстро расцеловала его, стараясь не смазать макияж, и надела украшение.

Артур выдохнул. Ритуальные подарки всегда давались ему тяжело.

Она что-то рассказывала: про Питер, выставку, ресторан. Артур слушал вполуха. Варт пару раз назвал треки и замолчал. Они не свернули на Рублёвку. Машина ушла на Алтуфьевское шоссе, потом – на узкие дороги. Минут за десять до этого у Артура погас навигатор.

– Раз плюнуть, – сообщил Варт. – Я всё вычислил.

За воротами открылась расчищенная дорога сквозь зимний сад. Туи в чехлах подсвечивались жёлтыми фонарями. Сбоку темнел квадрат вертолётной площадки с буквой Н. Машина подкатила к парадному входу усадьбы старинного вида с двумя крыльями-флигелями. За домом в умирающем свете тянулось большое белое пространство с угрюмой кромкой леса. Артур и без Варта понял: Клязьминское водохранилище. Ада ловко взбежала по ступеням и чуть кивнула чопорному пожилому человеку в длинном пальто. Тот поклонился, принял её шубку, потом – с задержкой – пуховик Артура. Изнутри дом оказался совсем не старинным – сдержанная современная итальянская нео-классика: тёплые стены сложных тонов, светлый камень, дерево, мягкий рассеянный свет. Прямо у входной двери, на столике с изогнутыми ножками, стоял бронзовый сундучок.

– Вот здесь мы с тобой и расстанемся, – сказал Варт.

Смартфон, однако, остался при Артуре. Они прошли по длинному коридору с зеркалами и странными картинами и вышли в двухсветный зал с уходящей вверх тяжёлой люстрой. За окнами уже упала ночь; были видны освещённая пристань и тёмная громада ангара.

На диванах и канапе сидели люди с бокалами. Они замолчали и посмотрели на парочку. Поднялись двое. В одном Артур узнал Виктора Сергеевича. Второй был выше и заметно старше, почти старик, с гордой осанкой и белёсыми, неестественно прозрачными глазами. Вздёрнутые брови зависли вопросительными знаками над чёрными точками зрачков.

– Здравствуй, папа, – сказала Ада, подошла и чмокнула его в щёку.
Лицо сфинкса дрогнуло в краткой улыбке.

Ада кивнула Виктору Сергеевичу. Светловолосый парень в синем свитере помахал ей с дивана, не убирая одну длинную ногу с другой. Рядом вскочила миниатюрная черноволосая девушка, удивительно похожая на Аду, и расцеловала её в обе щёки. Женщины, сидевшие рядом с мужчинами, остались на местах. Они просто смотрели и не говорили ни слова.

– Это Артур, – сказала Ада и обвела всех угольно-чёрным взглядом.

– Это тот самый супераудитор, я рассказывал тебе, Пётр, – сказал после паузы Виктор Сергеевич брату.

Пётр Сергеевич взглянул на Артура с проблеском интереса.

– Так это вы Поклонского закопали? Не жалко было? Это ведь он вас продвинул.

Артур открыл рот, но не понял, что собирается сказать. Варт молчал.

Пётр Сергеевич выждал секунду, явно наслаждаясь паузой, и улыбнулся:

– Да не смущайтесь, Артур. На вашем месте так поступил бы каждый... наш человек.

Проходите, садитесь.

Он указал на свободное кресло.

Ада хотела сесть рядом, но Пётр Сергеевич удержал её за локоть и протянул футляр.

– Ты опоздала, – сказал он спокойно. – Вот твой подарок. Поздравляю.

Он поцеловал Аду в щёку. Ада открыла бархатный футляр; в её глазах вспыхнули зелёные отблески, щёки залило румянцем.

– Папа...

Черноволосая девушка заглянула внутрь и прикрыла рот рукой.

– Давай я помогу, сестричка.

Ада поставила футляр на столик и вынула кольцо из сверкающих зелёных камней.

– Колумбийские изумруды, – негромко сказал Варт.

Девушка расстегнула кулон на шее Ады, мельком взглянула на него и небрежно положила на столик. Потом взяла кольцо и благоговейно застегнула его на шее сестры. Ада сияла. Про Артура забыли. Колье вызвало всеобщий интерес. Поднялись обе женщины; парень в синем свитере остался сидеть, лениво потягивая из стакана что-то янтарное.

Молодая женщина в обтягивающем бордовом платье подошла к Аде и меловым пальцем коснулась камней, не выказав ни тени восхищения. Стройная женщина средних лет с короткой, как у Ады, стрижкой и бокалом в руке подошла к Артуру и внимательно осмотрела его:

– А сколько вам лет, молодой человек?

– Полных тридцать пять, – сказал Артур.

Женщина чуть кивнула:

– Значит, уже зрелый. Ада не ошиблась. Свой бизнес? Капиталы?

– Да я только... – начал было Артур.

– Аля, дорогая, не приставай к мужчинам, – строго сказал Виктор Сергеевич.

– Конечно, – спокойно ответила она. – Прости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.